

Евгений
Денис

КРАСНИЦКИЙ
ВАРЮШЕНКОВ

СОТНИК

Так не строят!

Евгений Красницкий

Сотник. Так не строят!

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Красницкий Е. С.

Сотник. Так не строят! / Е. С. Красницкий — «АСТ», 2018

ISBN 978-5-17-107509-5

Михайла Лисовин не мог предугадать, какой подарок сделал ему дядюшка, когда прислал в строящуюся Михайловскую крепость артель плотников. Мастера-то они оказались на все руки, а старшина артельный, Кондратий Сучок – вообще талантище. Но кабы только по плотницкому делу... А уж норов у артельного старшины! Дурацкая шутка в один момент ввергла его самого и его людей в долговое рабство. Как смириться с этим, если с детства не боялся ни бога, ни чёрта, привык идти поперек судьбы и смирение считал уделом слабых? На судное поле выйти с топором против меча? Запросто! Охмурить богатыршу, которая не каждому витязю по плечу? Ну да, чего мелочиться? И плевать, что сам лысый коротышка! Завести друга, которого опытные воины с дрожью поминают? Да тьфу на них! Вот только жизнь не любит тех, кто на неё плюёт, не обращая внимания на её предупреждения. И тогда начинаешь опасаться тех, кого всегда считал своей семьёй, и тех, кого и за людей-то никогда не считал. И с ними же приходится стоять на недостроенных стенах, защищая крепость от неожиданных врагов. С ними же принимать бой, не давая осатаневшим от крови бунтовщикам раскатать по брёвнышкам и сжечь Ратное. А потом те, кто останется жив в страшной резне, выйдут вместе в Перунов круг, справляя тризну по братьям, ушедшим в светлый Ирий.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-107509-5

© Красницкий Е. С., 2018

© АСТ, 2018

Содержание

Предисловие	7
Часть первая	11
Глава 1	11
Глава 2	38
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Евгений Сергеевич Красницкий, Денис Евгеньевич Варюшенков Сотник. Так не строят!

© Евгений Красницкий, 2018

© Денис Варюшенков, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Первым делом я хочу почтить память создателя Мира Отрока – Евгения Сергеевича Красницкого. Спасибо вам за новый мир, Шеф! Я многим и многим вам обязан.

Огромное спасибо моим наставникам в писательском ремесле, редакторам и старшим товарищам – Елене Кузнецовой и Ирине Град. Без вас, Дамы, эта книга не состоялась бы. Спасибо за добрые советы, потраченное на меня время, за терпение, да за всё!

От души благодарю за неоценимую помощь в создании этой книги моих ридеров: Юлию Высоцкую – за ясность мысли; Сергея Гильдермана – за то, что привил мне понимание истории; Константина Литвиненко – за пример мужества и правильного отношения к жизни; Наталью Немцеву – за правильную вѣдливость; Геннадия Николайца – за идеи и уроки; Александра Панькова – за правду; Юрия Парфентьева – за то, что был для меня примером; Павла Петрова – за нестандартный взгляд, многое изменивший не только в книге.

Кроме того, я не могу не поблагодарить пользователей сайта <http://www.krasnickij.ru/>: Дачник, Имир, Лучик, Скиф, Ульфхендар, Andre, deha29ru и многих, многих других. Спасибо вам, без вас книга не получилась бы.

Предисловие

Вот ответьте, любезный читатель, какие ассоциации вызывает у вас слово «строитель»? Те, кто по возрасту успел застать пародию на рекламу давно сгинувшего банка «Империал», вероятно, уже вспомнили сакраментальное: «Но был обед, и выпили рабочие... И последним шёл прораб, и поднимал он тяжёлые тела, и говорил с ними, вспоминая их имена».

Вынужден признать, что в чем-то они правы: когда я был молодым мастером, зелёным и пупырчатым, будто вязниковский огурец, старый мудрый прораб сказал мне: «Запомни, студент, после зоны общего режима самый высокоинтеллектуальный контингент – на стройке!» И это тоже правда: строительные рабочие, как правило, во время перекуров не спорят о сравнительных достоинствах поэзии Лермонтова и Блока.

Ну а байки о том, как отдельные прорабы-чудотворцы с помощью заклинаний и камланий над сметами и процентовками умудряются в результате постройки сараюшки два на три сэкономить стройматериалов еще на трехэтажные хоромы каменные для «левого» боярина, вероятно, слышали все. В общем, картинка получается не благодатная: вороватый, вечно поддатый мужик в ватнике, кирзовых сапогах, не пойми какой шапке и с окурком, прилипшим к губе...

А теперь давайте рассмотрим слово «зодчий». Вот это другое дело! Слово звонкое, красивое, непонятное. Вон, во граде Санкт-Петербурге даже улица Зодчего Росси есть. Знать, полезное дело, раз этим зодчим улицы называют. А что это слово значит? В книге К. И. Чуковского «Живой как жизнь» приводится следующий эпизод, с той самой улицей Зодчего Росси связанный:

– А зодчий – это кто такой?

– Зодчий по-русски будет сказать архитектор!

Во-от, АРХИТЕКТОР! Звучит гордо. Это вам не прораб какой-то. Человек приличный, к тому же творческий, а иной раз, как сейчас говорят, креативный, прости господи. Ну да, зодчий в каком-то смысле архитектор и есть. Но все ли это? Что ж, давайте разбираться.

Забыли мы слово древнее, славное, пришедшее к нам из глубины веков, из времён Золотой Руси, которую ещё принято называть Киевской. Из тех времён, пока не рассыпалась пеплом и не пала под копыта татарских коней «светло светлая и прекрасно украшенная земля Русская».

А откуда мы знаем, что она вообще была? Вот благодаря этим самым зодчим и знаем! Сгорели, сгнили, пущены на дрова затейливые деревянные терема, возведённые когда-то русскими зодчими, которым, по словам византийских авторов, не было равных в Ойкумене в работе с деревом, но остались древние секреты, дошедшие до наших дней, осталась красота, передающаяся из поколения в поколение, и человек, хоть раз побывавший в онежских Кижях, после того как пройдёт восхищённое онемение от созерцания этой деревянной красоты, никогда больше не скажет: «Подумаешь, из дерева строить! Вот в европах соборы каменные...»

И у нас есть те соборы. Много где есть: во Владимире, Суздале, Ростове, Киеве, Полоцке, Чернигове, Ярославле, Великом Новгороде, Переславле-Залесском, Пскове, Смоленске, Ста-

рой Ладоге... Дошли, через сотни лет донесли нам главное: была Золотая Русь, стояла, пала и снова возродилась. Можно приехать, потрогать рукой и всеми фибрами своего существа почувствовать: Русь была, есть и будет. Этих камней касались Ярослав Мудрый и Владимир Мономах, Юрий Долгорукий и Александр Невский. Не осталось имён, но осталось дело этих зодчих – зримая, вещественная историческая память народа! Они строили. Создавали нечто, что переживёт их, что оставит о них память, даже когда вымараются из летописей их имена. Чтобы видели потомки, что не свиньи в берлоге тут жили, а люди, взысканные судьбой высоким умением творить из обыденного великое.

Да, а кто же все-таки зодчий? Что за зверь и с чем его едят, с маслом или с майонезом? Может, и правда «зодчий по-русски будет сказать архитектор»? Правда, да не вся. Это слово родилось в стародавние времена, когда от строителя требовалось уметь всё. «Зодчий» произошло от слова «здатель» – создатель, тот, кто создаёт. Собственно, и слово «здание» растёт из того же корня: то, что создано. Объект и субъект строительства.

Заказчик тогдашний очень даже о красоте заботился – его-то имя в летописях не затеряется, да и «злейшего друга» – князя соседнего – переплюнуть охота. Стало быть, «сделай мне, мастер, красиво». А у средневекового зодчего эстетического образования нету не придумали его ещё, образование это. И крутись, как хочешь. Ему архитекторы и конструкторы проект не разработают, сметчики смету не сосчитают, снабженцы материалы не доставят, кадровики рабочих не наймут, контролирующие органы не проверят. Сам, всё сам, один за целый стройтрест. Да так, чтобы прочно, красиво, долговечно и недорого: заказчики не меняются, и их стремление купить на грош пятаков бесконечно и вечно, как материя. Мало того, самому надо мастером быть, да лучшим в своей артели, а это значит, бери, раб божий, топор или кельму и полезай на стену, делом квалификацию подтверждать.

Ну и о вечном: работу организовать, поставку материалов наладить, людей к делу приставить, да сделать так, чтобы вкалывали они с максимальной отдачей, чтобы стройка не стояла... Управление производством называется.

В остальном же они были обыкновенны: также в поте лица зарабатывали на жизнь, женились, растили детей, а при нужде брались за оружие для защиты того, что создали. И не считали себя кем-то из ряда вон выходящими – просто мастера, крепко знающие своё дело. Время такое: народу мало, работы много, жизнь короткая, вот и крутились люди. Неплохо, надо сказать, крутились. Результат по тысяче лет стоит и не падает. И мы, люди века двадцать первого, застываем с открытым от изумления ртом, видя плоды их трудов.

Так с кем же теперь вы того зодчего сравните? Подождите-подождите, что-то знакомое видится: рубаха грязная, в смоле, глине или извёстке, на ногах опорки разбитые, в руках топор или кельма, на голове чёрт-те какой малахай, выражается отнюдь не благостно, да и пахнет временами от него не ладаном церковным... Чинарика на губе, правда, нет, ну так табак из Америки не завезли ещё. Прошу любить и жаловать: зодчий. Как его звать, бог ведает, от всей домонгольской истории сохранилось всего четыре имени: Пётр – строитель собора Юрьева монастыря в Новгороде, Иоанн – строитель собора Ефросиньева монастыря в Полоцке, Коров Яковлевич – строитель Кирилловской церкви в Новгороде да Пётр Милонег – строитель стены Выдубецкого монастыря в Киеве. И всё – не считали нужным летописцы увековечивать имена строителей. Вот заказчиков-князей – сколько угодно.

Так это и сейчас точно так же. Преемственность традиций, хе-хе. Первый после бога на стройке, как капитан на корабле. Помните, чуть выше я писал, что в теле одного-единственного старшины строительной артели вынужден был уживаться целый стройтрест? Так вот, главным в этом общежитии оказывается, как ни крути, прораб. Колёсики должны вертеться. Вот только шитого золотом мундира, в отличие от корабельного капитана, ему не выдали. Нет в жизни справедливости!

Ну, нет и нет, в конце концов, никто ведь не обещал, что будет легко и пряников хватит на всех. Тот же старый мудрый прораб из моей юности говаривал: «У верблюда два горба, потому что жизнь борьба». Такая вот философия. В общем, задумывалась книга о зодчих двенадцатого века, вопросах управления и альтернативной истории, а получилась Ода Прорабу.

Да нет, наверное, не прорабу, а простому человеку, внезапно осознавшему, что он не один на свете, не единица, голос которой, по меткому выражению Маяковского, «тоньше писка», а часть огромной общности, именуемой «страна», «государство», «империя», а чаще всего просто «МЫ» и «НАШИ».

Когда я писал эту книгу, часто вспоминал рассказ моей бабушки о 22 июня 1941 года. Ей на всю жизнь врезался в память грохот сапог по лестнице – мужики, услышав, что началась война, бежали в военкомат. Сами, не дожидаясь повесток. Самые обычные люди: рабочие, школьный учитель, портной – все, кто жил в подъезде четырёхэтажного дома на рабочей окраине тогдашнего Калинина.

В жизни любого есть момент истины – осознание принадлежности к этой общности, и к каждому он приходит в своё время. Вот и к моим героям придёт в свой черёд. Кондратию Сучку суждено изумиться тому, что не просто крепости и терема он строит – создаёт Державу. Да не просто изумиться – испугаться этого, перестрадать и принять, и этим изменить себя.

И другим героям не избежать того же. Всем предстоит узнать, что страну строим МЫ – каждый на своём месте, и защищаем её тоже МЫ. Не шестикрылые серафимы с нимбом вокруг малопочтенного места, не героини-одиночки, не великие императоры – мы все. И каждому предстоит сделать выбор: стать частью этой общности и жертвовать своими интересами ради Отечества или остаться тем, чей голос тоньше писка. Мои герои выбрали.

Выбрали-то они выбрали, но что? Понятно, строить – работа у них такая, но вот что строить? Государство – это слишком общее понятие и приложить его к процессу непосредственно строительства трудно. Однако попробуем.

В Китае есть легенда о Первом Императоре. Что он такого сделал, что так прославился? Дамбу построил во время наводнения и тем людей спас, и смог накормить, ибо плодородный ил оседал на полях. И в Древнем Египте мы такую легенду наблюдаем. А вот в Древней Греции и Риме – наоборот, героини строят стены и рыночные площади.

Вот что общего между дамбой, крепостной стеной и рыночной площадью? Правильно – это центр, альфа и омега жизни конкретной общины. Без дамбы у древних китайцев и египтян банально жрать нечего будет, стало быть, надо их содержать в порядке и обновлять постоянно, а в одиночку этого не сделаешь – вот и объединяющий центр. Греки же и римляне не могли жить без стен – элементарно вырежут любимые соседи, а на рыночной площади не только торговали туниками, оливками, вином, баранами и прочими необходимыми для выживания вещами, но и решали вопросы жизни и смерти для своего полиса, а также более мелкие, но не менее важные: сколько податей брать, где селиться кожемякам, рыбакам и прочим специалистам вонючих ремёсел и кого поставить надзирать за канализацией – самоуправление называется...

Вот и Кондратий Сучок строит крепость и терем, а мечтает построить храм, и так получилось, что между княжьем теремом и главным храмом княжества располагалась в стольных городах Руси та самая торговая площадь, и вече имело обыкновение именно на ней и собираться. Вече – это глас и воля земли, без которой верховная власть ничто: «Без нас, княже, решил – без нас и верши!» И мой герой создаёт место, где эта объединяющая воля обитает.

Может, кого-то такое положение вещей и оставит равнодушным, но плотницкий старшина Сучок не таков. Он же не просто крепость с теремом в этой книге строит – он городок заложил, где, как строения, потихоньку, по камушку, по брёвнышку, начинают произрастать

законы жизни общины, за которые ему и жизнь отдать не жалко, ибо община эта для Сучка своя. И законы свои.

А ещё мечтает он создать храм, какого не видывали в целом свете. Может, и построит, хоть сразу у него каменный цветок и не выйдет, но в процессе создания очередной чаши предстоит зодчему Кондратию понять, что ни одиночкам, ни, тем паче, разрушителям зримый символ единства не нужен – только Державе.

Вот такой, понимаешь, компот из бытия и сознания!

Денис Варюшенков

Часть первая

Глава 1

Май 1125 года. Село Ратное

Нечаянная дружба с обозным старшиной ратнинской сотни Серафимом Ипатьевичем Буреём и любовь к его соседке, вдове ратника Алёне, настигли Сучка, почитай, одновременно. Началось всё по весне, едва половодье спало, у забора Алёниного подворья.

Едва отойдя от стремительного превращения из уважаемого мастера в закупа и переноса из славного на Руси града Новгорода-Северского в затерянную в полесских болотах дыру под названием Ратное, плотницкий старшина, угодивший в закупы вместе со своими людьми из-за собственного склочного нрава, озабочился тремя вопросами: как жить дальше, чем бы промочить горло и кого бы... Ну, насчёт баб, короче.

С первой задачей всё обстояло более-менее просто: работать предстояло на родню заимодавца – туровского купца Никифора. Если по-хорошему рассудить, то грех на судьбу обижаться, могло получиться и хуже. Родня Никифора оказалась, во-первых, самой высокой кочкой на здешнем болоте: сотник латной конницы – это вам не голым гузном ежей в лукошке давить, во-вторых, щедрой и не злобной. Зато с придурью.

Виданное ли дело – посреди леса велели изладить, из чего придётся, потешную усадьбу, точь-в-точь, как та, что у них в селе поставлена, а надзирать за работами, будто в насмешку, приставили сопляка тринадцати годов от роду! Правда, при дальнейшем знакомстве оказалось, что сопляк очень даже не прост, но об этом вспоминать мастер не любил.

Со вторым по списку вопросом тоже заминки не случилось: хмельное достать при Сучковом опыте являлось делом плёвым, а вот насчёт третьего неожиданно возникли сложности. Нет, водились и в Ратном разбитные бабёнки, которые очень даже не против – Сучку оставалось только выбрать, к которой первой подкатиться, но, к счастью или нет, заметил плотницкий старшина в воскресенье возле церкви бабу таких статей, что дружинник великого князя рядом с ней мелким хором показался бы.

Одета она была по-вдовьи, но выглядела так, что Сучок, с его богатым опытом, сразу определил: баба не из тех, кому под юбку залезть – что почесаться. Вот и выиграло у артельного старшины ретивое: захотелось не кого-то, а именно эту богатыршу обротать, а то, что он мельче неё чуть не вдвое, только добавило азарта.

Перво-наперво расспросил, кто это такая, да что, да почему. Дело нехитрое: ходя промеж двор и предлагая всякую плотницкую работу, много узнать можно. Закупу, конечно, на хозяина работать положено, но если сможешь ещё и для себя резану-другую на стороне урвать, так бог тебе в помощь, никто не запретит.

Вот так Кондратий и выяснил, что звать ту богатыршу Алёной, была замужем за ратником, да того уже давно убили, что ухажёров у неё несть числа, но всё больше им облом корячится, а последнего вдовица, застав с другой бабой, приголубила поленом так, что чуть не убила, и потом, беспортошного, тем же поленом гнала через всё село.

Эти сведения только распалили мастера, и он приступил к делу. Для начала раб божий Кондратий воспылал несвойственной для него необычайной набожностью и стал ошиваться в церкви и около неё. Богатый опыт по части блуда подсказывал плотницкому старшине, что свести знакомство с бабой или девкой проще всего в церкви. Однако все пошло не так, как он

ожидал: богатырша хоть и жила совсем недалеко, и в церковь наведывалась частенько, а еще чаще в избу при церкви, где обитал местный священник, но все по делам хозяйственным – присматривала за местным священником-монахом и его обителью, о чём мастеру и поведали словоохотливые старухи.

Не при попе же было артельному старшине подкатываться к бабе и не на улице – так и по шее огрести недолго, совершенно заслуженно, кстати.

– Ага, значит, вдова, говорите... – сказал себе Сучок и рысью поскакал к Алёниному подворью.

Ратное – не Новгород-Северский, тут всё близко, а Алёнин дом и вовсе располагался в двух шагах от церкви, так что в пути никакого способа по охмурению богатырши придумать не удалось. По сей причине перед её тыном пришлось остановиться и обдумать, что же делать дальше.

Прежде всего он оглядел хозяйским взглядом всё, что позволял тын, на предмет, где требуется приложить мужские руки. Проще всего было для затравки разговора предложить починить крышу, тем более что дранку заменить действительно не помешало бы, но мастер хорошо понимал, что с таким заходом легко и соколом пролететь над той самой крышей.

Во-первых, Алёна могла попросту не оценить многочисленных достоинств плотницкого старшины, сокрытых в мелковатой и лысоватой телесной оболочке, и, недолго думая, послать куда подальше, во-вторых, что еще хуже, велика вероятность, что хозяйка согласится, работу оценит, заплатит за ремонт крыши... И всё!

На такой расклад Сучок совершенно не хотел соглашаться. С другой стороны, с крыши мог открыться значительно лучший вид на объем работ в подворье, так что рискнуть стоило. Вот и стоял раб божий Кондратий и смотрел на тын, за которым скрывался предмет его вожделений, и яростно скрёб пятернёй плешь. Однако, пока он размышлял, жизнь, по мерзкой своей привычке, подложила ему свинью, которая зашлась предсмертным визгом с соседнего с Алёниным подворья.

Ни одно событие в селе не остаётся незамеченным и безнаказанным – над оградами там и сям появились головы любопытных.

– А? Чего? У кого? – наполнил улицу нестройный хор.

– Да Бурей кабанчика колет! Сам! – задорно просветила всех молодуха с расположенного через улицу подворья.

– А отчего так рано? И откуда знаешь, что сам? – хрюкнула невесть откуда взявшаяся неопрятная бабёнка.

– Вижу! – гордо сообщила ей молодуха. – Поди, сама у него спроси, чего ему вздумалось!

– А ты чего через забор высунулась, бесстыжая?! Небось, подол уже задрала! Хахался себе выглядываешь?! – Неряха, возмущенно смерив взглядом задорную молодку, враз запомнила и про Бурю, и про кабанчика и сорвалась на визг. – На моего глаз положила, мочалка?! Я тебе зенки твои блудливые повыцарапаю, потаскуха!

Сучок с интересом наблюдал за бабьей перебранкой, не забывая, однако, поглядывать на Алёнино подворье, ожидая появления хозяйки. И дождался.

– Безлепа, уймись! – Оказывается, Алёна умела гаркнуть не хуже воеводы.

– А тебе что, больше всех надо?! – огрызнулась скандалистка. – Тоже мне, честна вдова – перед каждым задом вертишь и с любым готова!..

Вывести из равновесия Алёну ей не удалось. Та и бровью не повела, только почти ласково промурлыкала в ответ:

– Лушка, я ведь сейчас вся вылезу, – и сделала вид, что собирается выйти на улицу.

Баба мгновенно метнулась ко входу в неприметный проулок и завизжала уже с безопасного расстояния:

– Кончанские! Чтоб вам всем! Бабы – потаскухи, мужи – полудурки, а над всеми Бурей!

– Хрр... – раздалось вдруг с подворья, где принял мученическую смерть кабанчик. Судя по запаху, его уже палили.

Лушка мгновенно заткнулась на полуслове и стремительно, как крыса в кусты, юркнула за угол. У остальных участников действия вдруг тоже объявились неотложные дела, требующие их немедленного присутствия. Сучок остался один на улице.

«Это кто ж всех тут так шуганул? Попрытались, будто медведь на ярмарке с привязи сорвался... Такое веселье испортил, засранец!»

Плотницкий старшина обернулся на виновника «торжества» и обомлел. Не диво, что все разбежались!

«Вот это да-а! Это кто? Или что? Видывал хари, но такой... Чисто лешак! Его мамаша что, с медведем согрешила? Красавец, эти его!»

Страхолудный горбун меж тем осмотрел поверх забора опустевшую улицу, удовлетворенно хмыкнул и вроде бы собрался слезать, как заметил Сучка и стоящую возле калитки Алёну – единственную из односельчан, не рванувшую прятаться от соседа.

– Ы! – горбун решил не утруждать себя членораздельной речью.

– Здравствуй, дядька Серафим, – Алёна с уважением поклонилась. – Ты кабанчика колешь?

– Угу, – кивнула заросшая волосами харя, хоть и не шибко приветливо, но и без злобы. – Чего тут?

– Да Лушка-дура опять блажила, – небрежно отмахнулась богатырша.

– Гыы, безпелуха¹ безмозглая. – Бурей шумно почесался и поинтересовался, вероятно, в качестве изъяснения своего особого расположения. – Надо чего, соседка?

– Да нет, дядька Серафим.

– Ну и ладно, – горбун собрался было слезать, но вдруг обернулся и указал пальцем на Сучка. – А ты кто?

– Дед Пихто! – плотницкий старшина не любил подобного обращения. – Плотник я – работу ищу! Могу и тебе что-нибудь поправить, если в цене сойдемся.

– Дед Пихто? – Бурей причмокнул губами, будто пробуя что-то на вкус. – Ну и чёрт с тобой! – И скрылся за забором.

«Дозволил, жопомордый! А-а-а, ладно – не за тем здесь!»

– А ты что, и вправду плотник? – Алёна смерила Сучка оценивающим взглядом.

– Плотник, – мастер обрадовался такому повороту разговора и приосанился. – А тебе по плотницкой части помощь нужна, красавица? Или ещё по какой?

– Пока по плотницкой – крышу перекрыть. – Во взгляде женщины мелькнул интерес.

«Ага, по морде не приголубила, хоть и поняла всё! Ну, бабонька, хоть ты и богатырша, а поиграть не против! Вот и поиграем!»

– А ещё по какой? – Сучок широко улыбнулся, глядя Алёне прямо в глаза.

«Только не подмигнуть! Её этим не проймешь. И на титьки не пялиться!»

Некоторое время они играли в гляделки, потом женщина отвела взгляд, но не признавая своё поражение в безмолвном поединке, а по-женски переводя его в другую плоскость: вновь оценивающе пробежалась глазами по Сучку с головы до пят и припечатала:

– Ты сначала с плотницкой справишься, а там поглядим! Куда вылупился? Иди, крышу смотри!

«От баба! Не-е, с такой скучно не будет!»

– Добро! Сколько за работу положишь, хозяйка? – вот тут уже можно было и подмигнуть, что старшина и сделал.

¹ Безпелуха – неряха, рохля.

– Ты сначала эту работу посмотри, а потом о цене сговоримся, – Алёна понимающе усмехнулась и посторонилась, открывая проход.

– Как скажешь, хозяйка! – Сучок шагнул к калитке.

Но не всем такая благодать пришлась по нраву. Более того, нашелся тот, кто сильно возражал против такого оборота дел.

– Ты куда разлетелся, заморыш?! – в хриплом голосе за спиной братской любви не слышалось.

– А тебе какое дело?! – мастер резко обернулся.

«Трое! Один при мече! Без доспеха – и то хлеб! Ну, ничего, мы ещё посмотрим!»

– О, оно ещё и квакать умеет! – Первый из ратников издевательски подбоченился и засунул пальцы под воинский пояс. – Алёна, ты чего это себе заместо стоящего мужа лягуха завела? Больше некого?

Сучок едва не осклабился от удовольствия – это ж надо, как поперло!

«Ай, молодца! Вот ты эту богатырищу под меня и уложил! А за неё по морде получить не жалко!»

Алёна, как он и ожидал, побледнела от бешенства и набрала в грудь воздуха, чтобы ответить. Вот тут артельному старшине и пришло время действовать – такой момент никак нельзя было упустить!

– Ты как с честной вдовой говоришь, выпороток²? Зубам в пасти не тесно? – процедил Сучок, обращаясь к нахалу, и закрыл собой обалдевшую от такой защиты женщину.

– Ну, ни хрена себе! – Ратник повернулся к своим приятелям. – Откуда этот резвый в селе появился?

– Да Корней откуда-то блох нахватался, – сплюнул другой, и все трое прошли по чужаку оценивающими взглядами. – Борзых.

– Слышь, мастер, уймись! Не твоё дело! – Алёна досадливо поморщилась и ухватила старшину за плечо. – Не по себе гуз взял.

– Не-е, красавица, теперь моё! – Сучок решительно дернул плечом, сбрасывая с него руку женщины, и засучил рукава. – Нечего тут всяким засранцам языком трепать!

Глаза Алёны распахнулись на пол-лица.

– Гы, во веселуха! – изрёк с высоты забора Бурей. Он вернулся на свой насест при первых звуках нового скандала и возился на нём, удобно устраиваясь в ожидании развлечения.

– Ну, гляди-и, заморыш! – Ратник презрительно сплюнул и, в свою очередь, засучил рукава.

Любопытствующие – и когда успели собраться? – резво шарахнулись в стороны.

Дальше всё пошло не так, как представлялось самоуверенному ратнику и, вероятно, всем остальным, не знакомым с артельным старшиной Кондратием Сучком. Впрочем, не они первые, не они последние. Зря ратник засучивал рукава, ох, зря! Знал ведь, что закатанные рукава в драке только мешают, ан нет – покрасоваться решил. Не тут-то было! Показательно наказать мелковатого и лысоватого пришлого наглеца у воина не вышло. Догадываться об этом он начал, получив в первый же миг драки мощнейший удар в печень, а окончательно убедился, схлопотав от шустрого плотника коленом в морду и ладонями по ушам.

– Гы! – Голова Бурея, решившего, что развлечение оказалось более интересным, чем он мог ожидать, поднялась над забором ещё выше.

– Ох! – Изумлённо взлетели вверх брови Алёны.

– От так-то! – сплюнул Сучок.

– ...ь! – обалдело выдохнули товарищи битого витязя, разом бросаясь вперёд.

² Выпороток – недоносок.

«Твою мать!»

Больше ничего мастер подумать не успел – пришлось отмахиваться. Некоторое время это удавалось не без успеха, хотя по зубам и рёбрам прилетало крепко – ратники не повторили ошибки своего бесславно битого товарища и отнеслись к прыткому плотнику со всей серьёзностью. Разница в умении и численное превосходство быстро сделали своё дело: кулак одного из них пробил защиту и со всей дури впечатался Сучку в душу, напрочь вышибая дыхание. В глазах у мастера поплыло, и тут второй ратник от всего сердца «пересчитал забор» во рту плотника. Тело Сучка, почти не управляемое головой, на одних инстинктах вяло попыталось отмахнуться.

Странно, но он не падал. Витязи, хотя и удивились такому упорству, тем не менее к милосердию расположены не были. Они хмыкнули, ухватили не по росту крепкого лысого коротышку и отправили в полёт стремительный, но недолгий – аккурат до Алёниного тына.

– Бухх, – сдержанно отреагировал забор.

– Ой! – Изумленно прикрыла рот ладошкой Алёна.

– Ц-ц, – цыкнул зубом Бурей.

– Вот так оно с борзыми! – Сплюнул кровью из рассечённой губы и утёр русую бороду один из ратников. – Пошли Никона поднимать!

– Этому свербигузду ещё и добавить не мешало бы, – отозвался его товарищ и хмуро посетовал: – Всё у него не слава богу – то поленом побьют, то плотником...

Ратники подняли неразборчиво ругающегося и отсмаркивающего кровавые сопли друга, с издевательской тщательностью отряхнули на нём порты и рубаху, а когда тот твёрдо встал на ноги, ещё и махнули ему поясной поклон:

– По здоровью ли, боярин? Блохи твоё боярство не одолевают ли? – съязвил тот, что давеча звал товарища «поднимать Никона».

– Да пошли вы все в... – сказать, куда именно, «битый поленом и плотником» не решился.

– Мы-то пойдём, – русобородый вновь сплюнул кровью, – а ты чо?

– А ничо! – огрызнулся Никон.

– А если «ничо», то двигай домой, потаскун, – заржали его друзья.

– Да иду я, иду...

– Вот и иди! – русобородый глянул на товарища неласково и обернулся к хозяйке. – Извиняй, Алёна!

– Ладно, Елизар, чего с дурня взять, – Алёна то ли удивленно, то ли осуждающе смотрела на встающего с земли Сучка.

– Ну, мы пошли тогда... – Ратники неспешно повернулись к центру села. Но Сучок, о котором они уже и думать перестали, с таким завершением драки был совершенно не согласен.

– Куда-а, б...?! – На яростный крик обернулись все.

Плотницкий старшина стоял возле забора, и видок у него был!.. Рожа, борода, драная рубаха и порты равномерно перемазаны кровью и землёй, под глазом здоровенный синяк, плешь в ссадинах, а в руке засапожник...

– Гыы! – радостно подал голос Бурей.

– Во, неугомонный! – скорее весело, чем зло, ратники разом развернулись, охватывая Сучка с трёх сторон.

– Уймись, дуроломы! – рывкнула Алёна, делая шаг между своим незванным защитником и односельчанами.

Однако плотницкий старшина этого уже не видел. Бешенство мутной вонючей волной ударило в голову и едва не выплеснулось через уши. Сучок издал звук, сильно смахивающий на брачный рёв медведя, и ринулся на обидчиков, чуть не сбив по дороге Алёну.

Гнев – плохой помощник в драке. Особенно когда драться приходится с тремя опытными бойцами. В чём мастер немедленно и убедился: ратники в мгновение ока выбили из руки засапожник, от души настучали кулаками по различным частям плотницкого организма и снова отправили в полёт.

– Бухх, – сдержанно-удивлённо сказал забор, вновь встретившись с Сучковой плешью.

– Всё! – выдохнул русобородый. – Утомонили! Но хорош, засранец!

– Гыы! – согласился Бурей.

Алёна не успела сказать ничего.

Сучок поднимался. Цепляясь за забор, харкая кровью, он всё же встал. Хотя мог бы и лежать. Целей своих плотницкий старшина добился: на Алёну своими подвигами впечатление произвёл, соперника побил, а то, что самому потом насовали досыта, так это даже лучше – держался против превосходящих сил достойно, в долгу не остался, а женщинам свойственна жалость, от которой, как известно, до любви всего ничего.

Вот только Сучку всё это было уже побоку. И Алёна тоже. Баба, занимавшая все его мысли до драки, как и причина, по которой он в эту драку ввязался, – все отступило перед гневом и яростным желанием поквитаться за свое унижение. Такого сидящий в Кондратии зверь спускать не привык: или убей, или умри – другого он не знал и знать не желал. Потому и встал. Да и за засапожник немного раньше схватился по той же причине.

– Ну, ни хрена себе! – присвистнул кто-то из ратников.

Сучок молча сплюнул кровью и вытянул из-за пояса топор. Крутанул его в руке. По тому, как крутанул, все поняли – умеет. Не первый раз с топором против меча выходит. Толпа зеваяк насторожилась: дело приобретало серьёзный оборот.

– Ну, заморыш, сам напросился! – Никон вытянул меч из ножен и в свою очередь прошелестел им в воздухе.

Мастер вдруг перебросил топор в левую руку, стряхнул с правой оторванный рукав и перебросил оружие обратно. И проделал это в одно мгновение. Русобородый присвистнул, но с места не двинулся.

Поединчики, медленно сближаясь, мелкими шажками пошли по кругу, стараясь поставить противника напротив солнца. Если у кого из зрителей и оставались сомнения в том, что поединок кончится кровью, и совсем необязательно наглого пришлого, то сейчас они точно рассеялись – село воинское, и в таких вещах тут разбирались. Вот и Бурей разобрался.

Никто толком ничего не понял. Просто по месту начинающегося смертоубийства с рёвом пронёсся горбатый косматый смерч. Меч Никона отлетел шагов на пять, сам ратник свернулся клубочком в пыли, два его товарища внезапно присели отдохнуть, где стояли, а Сучок лишился топора и в третий раз взмыл в воздух.

– Бухх, – устало сказал забор, привычно здороваясь с плотницкой плешью.

Некоторое время на улице стояла тишина. Потом у ограды завозился русобородый. Алёна молча теребила кончик платка.

– Надо ещё чего, соседка? – осведомился Бурей, видать, наскучив молчанием.

– Спасибо, дядька Серафим, я сама.

– Ну, как знаешь!

– Откуда ты на мою голову взялся, дурень бешеный?! – Алёна недоумённо пожала плечами. – И не бросишь теперь!

Потом сокрушённо вздохнула, одной рукой подхватила топор своего поверженного защитника, другой его самого и скрылась за калиткой.

– Гыы! – не то удивлённо, не то задумчиво произнес Бурей и полез через забор на своё подворье – не идти же до ворот, в самом деле.

На улице, постанывая и матерясь, поднимались ратники.

Очнулся плотницкий старшина Кондратий Епифанович Сучок от тягостной головной боли.

«Етит меня долотом – где я? Башка-то как трещит... И не помню ни хрена... Гуляли? А с кем? Не с чего вроде... Ой-ё!»

Похоже, «ой-ё» мастер произнёс вслух. Впрочем, в этом он был не уверен, а вот в то, что губы разбиты в блин, оставшиеся во рту зубы шатаются, левый глаз не желает открываться, а все косточки в теле, особенно рёбра, воют на разные голоса, уверовать пришлось.

«Я что, в мельничное колесо попал? Или меня обозом переехали? Кто ж мне так напи-хал-то? Главное, за что? И где я? Вроде с утра не пил...»

Старшина попытался оглядеться одним глазом.

Лежал он в избе. На лавке. Под тулупчиком. И, похоже, без портов. Ну, без рубахи точно.

«Ну, хоть не в канаве... В избе... Но не в той, где нас поселили... Припасом лекарским пахнет – меня, похоже, обихаживали... Кто? И дух тут не наш – не артельный... О! Бабой пахнет!»

...Я ж с тутюшними из-за этой Алёны схватился! Помню, до железа дошло, а что потом? Это что ж, я у неё, что ли? А порты где? Дела-а...»

Сучок, мучительно преодолевая сопротивление непослушного тела, заелозил рукой под тулупом, пытаясь определить, на нём ли столь важный предмет одеяния.

– Очнулся, витязь? Не бойся, при тебе твоё хозяйство – не оторвали! – Алёна, а это была именно она, по-своему истолковала Сучково шевеление. – Лежи смирно! Мелкий, а дури на сотню хватит. С тремя ратниками схватился! А убили бы тебя?

Несмотря на свое бедственное положение, к которому не раз за свою жизнь дравшийся Сучок отнесся привычно равнодушно (ну, побили и побили – заживет, как на собаке, главное, как выяснилось, не зря), мастер решил не упускать того, что само падало в руки.

«О как! Подобрала меня... Так кто мне навтыкал? Неужто те трое? Ладно, потом! Попёрло тебе, Кондрат! Счаз мы её!»

– Благодарствую за помощь, хозяйка! – говорить учтивости разбитым ртом оказалось не слишком удобно. – Может, и убили бы, только не привык я, чтобы честну вдову при всём народе поносили, вот и вступился. Прости, что докука тебе от того вышла.

– Ох, и трепло ты, мастер! – женщина вошла в поле зрения Сучка. – Не впервой, видать, бабам да девкам зубы заговаривать! Но всё равно, благодарствую!

– Это кривое дерево в сук растёт, а мелкое – в корень! – мастер прикусил было язык, но поздно. – Ежели что – обращайся!

– Ещё один кобелина на мою голову! – посмурнела хозяйка. – В чём душа держится, а туда же! Тебя как звать-то?

– Зовусь Сучком...

– А во Христе?

– Раб божий Кондратий, – плотник подмигнул тем глазом, что меньше пострадал. – А тебя как по батюшке, красавица? Что Алёной – знаю, а вот...

– Не больно ты на раба похож, – серьёзно заметила Алёна. – Отмесили, как тесто – в чём душа держится, живого места нет – встать не можешь, а уж к бабе подкатываешься!

– На том и стоим, Алёна... так как тебя всё же по батюшке? – Сучок попытался встать.

– А ну, лежи! Прыткий больно! – прикрикнула хозяйка. – Отдашь богу душу, а мне потом перед Корнеем отвечать? Хоть бы посмотрел, что без портов тут валяешься! Нашёл время корнем своим хвастаться! Будто я не баба...

Приподнявшийся было плотник резво прилёг обратно. В его состоянии спорить с богатыршей ему совсем не улыбалось: он услышал в её словах то, что ему хотелось, а имя сотника пропустил мимо ушей.

«Корнем, говоришь, похвастаться? Ну, баба!»

– Отчего ж не баба? Очень даже! – улыбаться разбитыми губами было больно. – Пряма княгиня, токмо отчество своё всё никак мне, недостойному, открывать не желаешь. Аль обидел тебя чем?

– Тьфу, трепло! Тимофеевна я! – Алёна упёрла руки в боки. – И откуда у вас, мужей, всё берётся? Тебя-то как по отчеству, мастер?

– Епифановичем, – медоточиво, сколько мог в своем нынешнем состоянии, пропел Сучок. – Вот и познакомились, Алёна Тимофеевна!

– Познакомились, Кондратий Епифанович, – подхватила хозяйка и добавила: – Полежи-ка тут, пока твою рубаху с портами в порядок не приведу. Ты ж мне крышу перекрыть подряжался – не забыл?

– Хоть сейчас! – Сучок сделал вид, что собирается вскочить.

– Куда?! Совсем сдурел?! – брови Алёны угрожающе сошлись к переносице. – Успеешь ещё елдой своей с крыши помахать – глядишь, облака разгонишь! Голова-то не кружится?

– Нет, болит только.

– Ещё бы не болела – три раза чуть мне тын не прошиб! – Она нагнулась и сунула два растопыренных пальца к самому лицу мастера. – Пальцев сколько?

– Два!

– В глазах не плывёт? Не мутит?

– Нет.

– Да, крепкий у тебя котелок, а сам вроде не дурень... Бывает же... – с задумчивым видом произнесла Алёна. – Отдыхай, витязь! Сейчас поесть принесу, коли тебя не мутит.

После еды жизнь заиграла перед Сучком новыми красками, и казались краски те исключительно приятными. Судите сами: насчёт поесть Алёна расстаралась, как для князя, порты – не так сильно, как думалось мастеру, пострадавшие в драке, – вернулись на тощий зад владельца, а рубаху хозяйка и вовсе выдала новую!

«Вот тебе и здарсьте! Это что ж, как жениха, рубахой одарила? Что, Кондрат, будешь перстнем да убором озадачиваться али подождёшь того, после чего тот убор дарят, а? А рубаха добрая, хоть и великовата – за drankу на крыше дороговато выходит. Чем отработашь, Кондрат? А тем самым!»

– Чего глазёнками заблестел масляно – рубаху баба подарила? – Алёна без труда прочла Сучковы мысли. – Аж задницей заулыбался, кобелина! И где в тебе столько помещается?

– Хошь покажу? – Мастер блудливо подмигнул.

– Да насмотрелась уже, когда тебя, беспамятного, из портов вытряхивала! – ухмыльнулась женщина. – Ты тогда отчего-то таким гоголем не ходил – всё пластом прилечь норовил. Может, тебя опять по темечку, чтоб присмирел?

«Ну, даёт баба! Не по её, так и женилку оторвёт напрочь! Ни за что не отступлюсь! Такая одна на тьму родится!»

– А и приголубь, Алёна Тимофеевна! Хоть такая да ласка, а то совсем без руки женской зачах, – отступать мастеру было уже некуда, да и не хотелось.

– Совсем страха в тебе, знать, нету! – покачала головой богатырша то ли с одобрением, то ли осуждающе. – На-ка вот, лавку пока в божеский вид приведи! Не пушу сегодня на крышу – не хватало ещё грех на душу брать! Завтра отработашь! Чтoб тебе туда-сюда не бегать, у меня и переночуешь. На этой же лавке! – строго добавила она. – А пока в доме по хозяйству подсобишь, у меня работы много... – и спохватилась: – Не хватятся тебя?

– Не должны...

– Точно?

– Но сказать всё же надо.

– Ладно, пошлю кого из соседских ребятишек предупредить. Вы у Корнея на подворье остановились?

– Да, только про тебя-то что скажут?

– Пусть завидуют, клуши! Не до них... – отмахнулась Алёна. – Умные поймут, а до дур, в портах и без, мне дела нет. Ты работай, мастер... – Она развернулась, задев подолом Сучка, и выплыла из избы.

– Едрит меня долотом! Ну, баба! – выдохнул плотник и принялся за дело.

Работы нашлось немало: там подколотить, тут подстучать, здесь подтянуть – хоть и не бедствовала вдова ратника, и оставшихся без кормильца в воинском селе не забывали, а всё ж без хозяйского глаза не то. Нет, лениться холопам Алёна не давала, дом и хозяйство держала в исправности, но мужской пригляд, как ни крути, нужен. Вот и занялся Сучок, незаметно для себя, мужским приглядом: тут подкрутим, там подтянем, здесь нажмём с пристрастием, да так втянулся, что самому понравилось. Как над своим трудился – даже холопа, решившего прикинуться туповатым, поучил уму-разуму при помощи тумачков и пинков. И невдомёк было мастеру, что Алёна внимательно за ним наблюдает, примечает да направляет его кипучую деятельность в нужное ей русло.

День незаметно сменился серыми майскими сумерками, а Сучок всё хлопотал по хозяйству, не собираясь останавливаться.

– Иди вечерять, мастер, ночь уж скоро! – Монументальная фигура Алёны заняла собой весь дверной проём. Из-за её спины из избы пробивались робкие лучики света и умопомрачительные запахи съестного.

«Ох ты, ночь уже! Надо же, сам не заметил! Жра-а-а-ть охота... И болит всё – помяли меня будьте-наде! Сейчас похлебать чего-нибудь и спа-а-ать... С подушкой! Ну их, баб, к бесу!»

– Иду, хозяйка! – Кондратий отложил работу, сунул топор за пояс и поспешил к бочке с водой – ополоснуться.

За едой у хозяйки и работника завязалась беседа обо всём и ни о чём одновременно. Собеседники не отдавали себе отчёта, что испокон веку такие разговоры ведутся за семейным ужином. Правда, этот ужин не был семейным – просто на обочине жизненной дороги встретились два, по сути, обездоленных и одиноких человека. Нет, и у Алёны, и у Сучка находилось с кем перемолвиться словом: у неё осталась родня разной степени близости, а у него артель, но вот главного – бесконечно близкого человека, с которым хочется и должно делить и горе, и радость до самой смерти, хозяйку лишило вражеское оружие, а работника – неведомый мор. Оба давно смирились со своей потерей, научились жить с ней, даже начали забывать о том, чего на самом деле лишены.

В этот вечер им выпал шанс ненадолго об этом вспомнить. Алёна – гроза ратнинских кумушек и «нянька» местного священника отца Михаила да Сучок – сорви-голова, не боящийся ни бога, ни чёрта, в кои-то веки могли побыть просто мужчиной и женщиной. И в мыслях не держал артельный старшина Кондратий, что вместо плотской радости (которой по счету?) неожиданно найдет нечто большее – то, что давно искать перестал.

Неизвестно, сколько бы вилась нить этого разговора, если б чёрт не дёрнул Сучка за язык:

– А этот сосед твой, Бурей, ну силён, страхолюдина! – Мастер от избытка чувств привстал с лавки. – Эка он мной, ровно тряпкой, об тын хлобыстнул! Должок теперь за мной!

– Верно, Кондрат, должок, – Алёна подпёрла рукой щеку и посмотрела на Сучка с укоризной, – но не тот, о котором ты сейчас подумал. Спас он тебя!

– От чего это он меня спас?! – возмущенно вскинулся плотник.

– Смотрю я на тебя, Кондрат, и диву даюсь, – продолжила Алёна тем же укоризненным тоном. – Четвёртый десяток разменял, плешь отрастил, а ума не нажил. От смерти он тебя спас.

– От какой-такой смерти? – подбоченился Сучок. – От этого витязя, что ли? Ха! И не таких видали!

– Никона ты, может, и порубил бы, – Алёна прищурилась на огонёк лучины. – Хоть мечник он и не из последних, да только...

– Что – только? Тебе-то откуда знать?

– А я, Кондрат, вдова, дочь, внучка и правнучка ратника... – Женщина не отрывала взгляда от огня. – В селе воинском выросла и мужа своего сама на смертные сани уложила, да и так навидалась...

– Чего навидалась?

– Да всякого... И как с топором против меча выходят, и кто чего с железом стоит, и как порубленные в поединке падают...

– А Бурей тут причём?

– А при том, что не жить чужаку, ратнинскую кровь пролившему, – всё так же спокойно продолжила вдова ратника. – Никто бы тебя на суд не потащил виру стрясать – тут бы и порешили.

– Я ж за тебя вступился! – Сучок аж рот открыл.

– Дурень ты, Кондрат, – Алёна не изменила позы. – Ну, за меня, только кому до того дело? Пока вы кулаками махали да юшку друг другу пускали – бог с вами, но ты железо достал... Первым. Ладно бы ещё на поединок вызвал по обычаю, а как ты – в драке... За это только смерть! На том уж сто лет стоим, не выжили бы иначе...

Мастер молча и яростно заскрёб рукой в затылке. От лучины отгорел уголёк и с шипением погас в плошке с водой. Сучок опустил руку, неразборчиво ругнулся и спросил:

– У тебя хмельное есть, хозяйка?

– Есть, а что?

– Ну, так дай! Отработаю!

– Это ещё зачем?! – Алёна неодобрительно-удивлённо вскинула брови.

– Кланяться пойду!

– К Бурею?

– К нему!

– Да ты что?! Он же... – покачала головой хозяйка, но мастер не дал ей договорить.

– Не спорь, хмельное неси! Не бабьего ума то дело! – Сучок даже пристукнул кулаком по столу.

Алёна хотела окатить недомерка презрительным взглядом, но вдруг натолкнулась на стену. В карих глазах шепутного, мелкого нахала она увидела нечто, отличающее мужа от существа в портах, и этому «нечто» сейчас следовало повиноваться. Во всяком случае, Сучку представлялось именно так, а что считала сама Алёна... Возможно, решила, что это не её дело – она к нему в няньки не нанималась, так что пусть идёт, куда хочет. Спорить же с упёршимся – себя не уважать.

– Ох, мужи, да что ж вам надо-то? – покачала она головой, а потом нехотя поднялась с лавки. – Погоди, сейчас принесу.

– Точно пойдёшь? – Алёна с сомнением смотрела на Сучка.

– Точно! – отрубил тот, поудобнее пристраивая под мышкой объёмистый жбан. – Надо так!

– Смотри, Кондрат, боятся тут его! И поделом боятся!

– И что с того?! – преувеличенно бодро вскинулся мастер. – Он же сосед твой! Сколь лет бок о бок!

– То-то и оно, что сосед, – Алёна покачала головой. – Навидалась!

– А, где наша не пропадала, а всё жива! – Сучок подкрутил ус. – Ненадолго я! Жди вскорости, Алёна Тимофеевна!

– Ну и катись, дурень плешивый! – Она упёрла руки в бока. – У вас, мужей, ни у кого ума нет! Не той головой, видать, думаете!

– Ну, это когда как! – Сучок блудливо подмигнул.

– Сгинь с глаз моих, кобелина! – разгневанная хозяйка ухватила плотника за шиворот и во мгновение ока выставила на улицу.

Сучок потер пострадавшую шею, почесал в затылке, восхищённо матюгнувшись и бодро направился к воротам Буреева подворья. Идти было страсть как далеко – трёх десятков шагов не набиралось, но на полпути плотницкий старшина крепко задумался. Что ни говори, а полёт, в который отправил его Бурей, был свеж в Сучковой памяти. Да и внешность обозного старшины – должность своего спасителя мастер уже успел выяснить – располагала до икоты, а слабых духом, надо думать, и до обмоченных портов.

Понятно, что подобные размышления живости и желания поскорее свести знакомство со столь благообразным и приятным в обращении мужем артельному старшине отнюдь не добавили, так что перед калиткой Сучок несколько замялся. Даже очень несколько – три раза он поднимал руку, чтобы постучать, и трижды опускал. Если бы не Алёна – обратно повернул бы. Наверное. Хотя, может, и не повернул бы: перед самим собой признаваться, что дал слабину, Сучку было еще нестерпимей.

«Тьфу, едрит твою по отвесу бревном суковатым, поперёк себя волосатым! Ты чего, Кондрат? Вздристнул, никак? А чего? Ну да, красавец писанный – леший увидит, так ёжика родит, против шерсти, но ты-то вроде рожать не обучен?»

То-то и оно – этот и обучить может! Как он меня – махнул лапницей и ощутил я себя птицей небесным – лечу, значит, и гажу. Высоко так да недалеко – аккурат до тына Алёниного...»

За оградой на чужого надрывались псы, ночная птица прокричала с неба что-то обидное, а не робкий от природы плотницкий старшина всё стоял у калитки и бормотал себе под нос нечто отнюдь не душеспасительное. Кто знает, сколько бы он ещё утаптывал выдавшими виды поршнями улицу, если бы из-за тына не раздался рык хозяина:

– Чего разбрехался, кабысдох?! На шапку захотел?!

– Хозяин, там чужой по улице шляется, – слышался в ответ робкий голос.

– А я тебя или кабысдоха этого брехливого спрашивал?! – пьяным медведем взревел за тыном Бурей. – Или ты на его место метишь?!

– Хозяин! – Вопль неудачливого холопа прервался после характерного звука, обыкновенно сопровождающего перемещение тела по воздуху после доброго пинка.

– Сам напросился, – почти ласково сообщил кому-то обозный старшина. – Гавкай теперь. Ну?!

– Гав-гав-гав, – раздалось из-за тына.

– Хорошо гавкаешь! – похвалил Бурей. – Сгинь, пока не пришиб!

«Ох ты – крутенок! Неудивительно, что его тут наравне с чёртом держат! Допрыгался ты, Кондрат – такой за ради скуки бабку оторвёт да к задку приставит, а потом скажет, что так и было. И ведь поверят, а то себе дорожке! А-а, ладно, назвался груздём – полезай в кузов!»

Сучок, наконец, решившись, с размаху впечатал кулак в калитку.

– Кого леший по ночам носит?! – от рыка хозяина даже окрестные собаки заткнулись. – Брысь, пока не пришиб!

– Открой, хозяин, дело есть! – приняв решение, Сучок уже не колебался.

– Гррррха, кто у нас такой храбрый?! – Бурей, сопя по-медвежьи, отвалил засов. – Ты кто?

– Дед Пихто! – выпалил, как утром, на голубом глазу мастер и осёкся. – Здрав будь, Серафим Ипатьевич! Разговор у меня к тебе.

– Какой такой Пихто?! Шлялся тут утресь один, – обозный старшина шумно принялся. – Не ты?

– Я! Тут дело такое...

– А чего дед? – не дал Сучку договорить Бурей. – Вроде не старый ещё?

– Не старый и не Пихто меня звать...

– А кто? – опять перебил обозный старшина.

– Зовусь Сучком, сам плотник...

– А почему не Пихто? И зачем плотник? Ночь на дворе! – Бурей был по-своему неоспоримо логичен.

– Да по кочану! – выверился плотник. – Зовусь Сучком, сам плотник, к тебе с разговором пришёл, понятно?!

– А чего сразу не сказал? – Бурей озадаченно поскрёб в затылке.

– Так ты не дал! – Сучок завёлся уже не на шутку.

– Я? – ещё больше озадачился Бурей. – Не помню. Ну и хрен с тобой! Чего надо?

– Благодарствую, Серафим Ипатьевич, что выручил меня утром, – мастер коснулся земли зажатой в руке шапкой. – Не допустил ты меня до смертоубийства...

– Так это ты Никону рыло начистил? – на страхолюдной роже Бурей мелькнула тень узнавания. – Знатно ты его, жопоглавца! А потом тебя тоже знатно!

– А потом меня, – согласился Сучок. – А потом ты, Серафим Ипатьевич... Вот я, значит, и пришёл, благодарность высказать.

– Хрр, благодарность? – горбун как будто пробовал это слово на вкус. – Сам пришёл?

– Сам. И не пустой! – Сучок булькнул содержимым жбана.

– Ишь ты... Сам... – Бурей посторонился. – Ну, заходи, коли так, гостем будешь!

Добрую половину скупой освещённой лучиной немаленькой горницы, в которую привёл Сучка хозяин, занимал сколоченный из толстенных досок стол. На нём в художественном беспорядке громоздились внушительная миска с квашеной капустой, не уступавший ей размерами горшок с варевом, от которого сладко тянуло тушёным мясом, исполинская бадья, испускавшая хмельной дух, а венчали эту благодатную картину огромный полуобглоданный мосол и здоровенная кружка.

Остальное убранство тоже производило впечатление: на стене матово поблёскивал накладками из турьего рога огромный лук, рядом с ним висели столь же внушительных размеров рогатина и меч в изукрашенных ножнах, доспех, на лавке валялись медвежья шкура и медвежий же тулуп. Но это ещё что! В красном углу возле икон в богатых серебряных окладах теплился огонёк лампы. Лампа, кстати, тоже была серебряная и тонкой работы.

«Ну, ни хрена себе! Икон-то сколько! Такие оклады да лампаду не во всякой церкви сыщешь! Он что, церковь какую ограбил, что ли? Это ж сколько стоит-то? И лук каков – я в княжеской дружине таких не видал! Нда-а...»

Сучок перекрестился на икону. Он и не догадывался, насколько ему повезло. Бурей пребывал нынче в том пьяно-лиричном состоянии, когда даже такой чёрной душе, какая гнездилась в теле обозного старшины ратнинской сотни, не только хочется странного и непознанного, но и пробуждается вера в человечество...

Не дай бог, если бы нелёгкая принесла плотника на Буреево подворье в другую ночь – самое малое, отделался бы он несколькими месяцами в лубках. Не ко времени неведомо каким образом сломавший ногу и оттого пущенный под нож кабанчик, сам того не желая, спас рабу божию Кондратию жизнь или, по крайней мере, здоровье.

– Садись, – прорычал хозяин, кивая на стоящий у стола сундук, и плюхнулся на лавку. – Тебя звать как?

– Зови Сучком. – Плотницкий старшина пристроил на стол жбан и опустился на указанное место.

– А во Христе?

– А к чему? – мастер приподнял бровь.

– Ты, хрр, в чужой монастырь со своим уставом не лезь! Ыть! – Рожа Бурей вдруг оказалась у самого лица плотника и обдала его крепким перегаром. – Хрр! Сглазу он боится! У нас тут всех по-крестильному зовут – не язычники, чай! Как звать, спрашиваю?!

– Кондратием крещён, – от такой отповеди Сучок слегка оторопел.

– А по отчеству? Ты меня, вон, у ворот уважил, – обозный старшина отодвинулся. – Так вот и я гостя уважить желаю!

– Епифановичем, – своеобразное вежество Бурей впечатлило забияку-плотника до печёнок.

– Ну, за знакомство, сталбыть! – Горбун черпанул из бадьи и поставил перед мастером полную кружку браги. Внезапно на его лице отразилась напряжённая работа мысли – ему-то пить было не из чего.

«Ха! Неужто прям из лохани хлебнёт, как из ковша? А что, этот может!»

Однако хозяин решил по-другому:

– Подь сюда, тупёрда³ лядащая! – от его рёва дверь открылась будто сама собой.

– Тута я, хозяин! – забитого вида холопка испуганно жалась к двери.

– Ковш тащи! Гость у меня! – Бурей широким жестом указал одновременно и на стол, и на Сучка. – И пожрать ещё! Шевелись!

Холопку сдуло ветром. Не успел Кондратий в очередной раз подивиться царящим в доме порядкам, как на столе уже возник резной ковш немалого размера и несколько горшков и плошек с разнообразной снедью.

– Прими, гость дорогой, – Бурей, пошатываясь и лучась пьяным радушием, по обычаю протянул Сучку полный браги ковш.

– Благодарствую, хозяин. – Плотницкий старшина встал и с поклоном принял посудину.

– Ну, за знакомство, Кондратий Епифанович! – горбун воздел вверх кружку.

– А то ж, Серафим Ипатьевич! – Сучок от души стукнул ковшом по Буревой посудине.

Бражка пошла соколом и сразу ударила мастеру в голову.

«Ишь ты, вежество блюдёт. Как с медведем в берлоге пирую. А, была не была – не сожрет же он меня!»

– Ты, гостюшко, закусывай давай – уважь хозяина! – обозный старшина потчевал приземлившегося на сундук Сучка, не забывая при этом расправляться с мослом.

– Благодарствую, – плотник наугад схватил кусок жареного мяса и отправил в рот. – Хороша бражка.

– А то! – зверски ухмыльнулся Бурей и рявкнул: – Зачем пришёл?!

Сучок поднялся с сундука, оправил рубаху и отмахнул хозяину поясной поклон:

– Благодарствую, Серафим Ипатьевич, что не дал мне пропасть, смерть от меня отвёл! – Плотницкий старшина поклонился ещё раз. – Век за тебя бога молить стану! Должник я твой – не выпустили б меня живым! А сейчас прими дар малый, не побрезгуй! – Сучок протянул Бурей позаимствованный у Алёны жбан.

– Хррр! – от удивления малюсенькие глазки горбуна приобрели почти нормальные размеры. – Вот оно как! Благодарить пришёл, значит?

³ Тупёрда (диал.) – неповоротливая, неуклюжая.

– Ага, – кивнул Сучок. – Я со всем уважением! Ты ж за меня – чужака – вступился. Не забудешь такое...

– О как! – Бурей запустил пятерню в свою гриву, некоторое время скрёб в затылке, а потом витиевато выругался и распечатал поднесённый жбан. – Ковш подставляй! За такое дело выпить надо!

* * *

Так случается в жизни – сидели два старых друга в приятном месте. Не насухую сидели. Давно не виделись, вот и говорили о том о сём: о житье-бытье, работе, семьях, старых похождениях и новых планах. Старым друзьям всегда найдётся, о чём поговорить. И тут входит третий, да так получается, что один из друзей этому третьему хороший знакомый, а другой в первый раз его видит. Как же тут товарища к столу не пригласить да с другом не познакомить?

Проходит некоторое время, и беседа уже идёт на троих – обязательно найдётся тема, которая для всех окажется интересной, а если подсевший ещё и хороший собеседник, так и вовсе...

И тут, как оно в жизни бывает, первый из друзей спохватывается – бежать надо! Дома, мол, семеро по лавкам, жена велела быть всенепременно. Хочешь не хочешь, а надо! Принимает он «на ход ноги», прощается и убывает к семейному очагу.

А новые знакомые остаются. Почему бы и нет? Разговор идёт. Время есть. Спешить некуда. Появилось, правда, некоторое неудобство, но не расходиться же, в самом деле? А тема разговора, того, к концу подходит. Надо как-то разговор продолжать. Поговорили об отбывшем к семейному очагу, супругу его помянули словом не злым, но добрым. Знакомых поискали и даже нашли. Так мало-помалу добрались и до «вечного» – кто чем занимается да чем интересуется. Чем живёт, так сказать.

Вот это разговор небыстрый. Особенно «не насухую» и если собеседники с пониманием – поперёк друг друга не встречаются, авторитетом не давят, но опытом делятся. И начинает тут наружу выходить глубинное – о чём думали давно, но не решались сказать. Ведь всяк живёт со своим грузом и старается никому его не показывать. Ибо страшно! Страшно, что не поймут, а ещё страшнее, что поверят, а ты не сможешь. Вот и таят в себе до поры.

И тут попадаете на пути случайный знакомый, вдруг незнамо как тронувший душу, и начинает человек потихоньку приоткрываться, а если собеседник умный попался – раскрываться, выплёскиваться без оглядки. Сначала один, потом второй. И не важно уже, а был ли тот первый «подкаблучник», что свёл их за этим столом, или не было его... Вот у Сучка с Буреём его не было, по крайней мере во плоти, а поди ж ты...

* * *

Они выпили, потом ещё, потом закусили, а разговор вился, вился, вился, и плотницкий старшина почувствовал, что от таких возлияний стремительно косеет. Оно и не мудрено, после утренних-то приключений.

«Эх, хорош Серафим, даром, что лешак горбатый, но ведь споит он меня к растакой-то бабушке! Гляди, опять наливает! И замолчал – только хекает...»

Бурей разлил хмельное, но в этот раз не кивнул гостю с традиционным «Будем!», а поставил посудину на стол, вперился в Сучка маленькими, глубоко посаженными глазками, вздохнул, как кузнечный мех, и с какой-то смертной усталостью в голосе спросил:

– А теперь правду скажи, на хрена припёрся?

– Спасибо тебе, лешаку, сказать! – Хмель уже ударил мастеру в голову, и нрав в который раз взял верх над благоразумием. – Порешили бы меня, коли не ты! Сначала я витязя того драного, а потом меня бы! А не веришь – выходи во двор!

– Гы! Правда?! И всё?! – Злобный горбун изумлённо развёл руками, начисто игнорируя брошенный ему вызов.

– И всё! – Сучок привстал с сундука. – Да ещё посмотреть поближе на того, кто мной, ровно тряпкой, о забор хлестнул и не крикнул! Да поговорить ещё разве! Ничего мне от тебя больше не надо!

– А не побоялся, что пришибу? – На морде Бурей возникло заинтересованное выражение.

– Нет, не зверь же ты – был бы зверем, не вступился... – мастер помолчал, уставившись в стол, потом потрянул головой и продолжил: – А если б и пришиб, так мне от того хуже не стало бы!

– Чего так? – Обозный старшина подался к собеседнику.

– А вот так! – Сучок рванул ворот рубахи. – В закупы мы всей артелью угодили и, похоже, навечно!

– За что? – невероятно, но в голосе Бурей прорезалось участие.

– Боярина убили... княжьего... – плотницкий старшина повесил голову и с усилием вытолкнул слова из глотки.

– Сукой был? – уже с несомненным участием спросил старшина обозный.

– Да не то чтобы сукой, просто достал всех хуже чирья на заднице! – Мастер так и не поднял головы. – Церковь мы ему ставили, обыденку⁴. По обету. Помер у него кто-то. Чего там ставить – два раза тукнуть да три пёрнуть! – Сучок сам не заметил, как сбился на скороговорку. – А он пристал как клещ – всех извёл, язва! Ну, мы ему подмости и подпилили – думали, шишку набьёт да отстанет, а он вниз башкой сверзился да шею свернул!

– И что? – Бурей подсунул мастеру полный ковш.

– А то! – Сучок залпом высосал брагу. – Ободрали нас на суде, как липку – всё добро меньше четверти долга, а самих продали!

– Ах ты мать твою за левую заднюю! – Кулачище Бурей впечатался в столешницу так, что часть мисок и плошек перевернулась. – Вот жизнь! Хорошим людям никогда удачи нет! Вот ты, гляжу, человек... И ко мне по-людски, и вообще! А есть такие, что зверья хуже – и им всё! Вот, как батьке сотника Корнея, чтоб ему на том свете!.. – Обозный старшина сплюнул. – Давай выпьем, что ли, Кондрат?

– А давай, Серафим! – Сучок вскинул голову. – Жизнь, она, тварина, любит на четыре кости ставить – хоть давись, хоть волком вой! Хмельное, оно дела, конечно, не поправит, да спьяну дерьмо всякое меньше в глаза лезет – даже жить легче...

– Хрр! Верно сказал, Кондрат! – Бурей разлил брагу. – Чтоб оно полегче было!

Посудины стукнулись, собеседники, выпив, кивнули друг другу и принялись закусывать. Они и сами не заметили, как перешли грань, отделяющую случайный интерес от симпатии. Что-то изменилось в отношениях случайно встретившихся на жизненной дороге много повидавших и перестрадавших людей, и, подчиняясь неосознанному импульсу, Сучок задал вопрос из тех, что чужим не задают:

– А за что ты батьку Корнеева так?

Бурей вскинулся, сжал кулаки, глухо зарычал и начал привставать, но вдруг рухнул обратно на лавку. Несколько мгновений он сидел, почти уткнувшись головой в столешницу и свесив свои ручищи до пола, а потом принялся что-то неразборчиво бормотать себе под нос. Плотницкому старшине показалось, что в этом бормотании он разобрал слово «тятенька».

⁴ Обыденка – церковь или часовня, которую возводили по обету в течение одного дня.

«Ох ты ёж твою! Что между ними такое было? Етит тебя долотом, Кондрат – доведёт тебя язык когда-нибудь до могилы...»

– Серафим, ты чего? – плотницкий старшина не на шутку встревожился. – Обидел тебя чем? Или чего похуже? Ты не рассказывай, коли невомоготу!

– Скажу! – Обозный старшина поднял голову. – Другого убил бы, а тебе скажу! Только выпьем давай сначала... Саднит!

– Давай, – Сучок наполнил посудыны.

– Погляди на меня, Кондрат, – нравлюсь? – Бурей вытер рукавом усы и жестом остановил попытавшегося что-то сказать плотника. – Совсем я мальцом был, от земли не видать... Бабы-суки! Вон, говорят, тятенька твой... А я и кинулся... «Тятенька, тятенька!»... А он сапожищем в морду... Падла! Сотник Агей – Лис Бешеный! А потом ещё... и ещё... Все рёбра переломал... Батюшка мой с засапожником на него кинулся – он и его... Насмерть... А я его зубами... Тут бы он меня и убил, да сын его – Корней, сотник нынешний, не дал – отнял.

– Ох, ты ж мать твою скобелем! За что он тебя так? Дитё ж! Он что, совсем зверь-сыро-ядец был?

– Не перебивай! – Бурей отрицательно мотнул головой. – Я ж тебе говорю – бабы-суки! Какая-то б... слух пустила, что матушка моя от Агея меня прижила... Не дознался я – да и сколь годов прошло, пока дознаваться начал... А ведь я из сотничьего рода! Пращур мой первым сотником был! Только от всего рода я один и остался... Женился два раза – не живут у меня дети! И жёны умирали вскорости...

– Эхе-хе... Моя Софья вот тоже, – Сучок подпёр щёку ладонью. – Полгода вместе не прожили... Лихоманка... И её, и батюшку с матушкой. Вот и шатаюсь с тех пор промеж двор бобылем.

– И я бобыль... – Бурей как будто в первый раз посмотрел на собеседника. – Вот оно как, значит...

– Значит, так... – мастер согласно кивнул головой. – А что дальше-то было? Ты, Серафим, не думай, я не для забавы – ты выговоришь, коль начал, а то хуже будет...

– А дальше принёс меня Корней к лекарке, – Бурей изобразил ухмылку, больше похожую на медвежий оскал. – Он из-за того, что за меня вступился, крепко с батькой своим рассорился. Сказывают, Бешеный Лис его всю дорогу до лекаркиной избы дрыном охаживал, да, поди, врут...

– Это да, дрыном убил бы к хренам, – кивнул Сучок.

– Врут – не врут, а со двора Агеева Корней в тот же день съехал, – обозный старшина ухмыльнулся ещё раз.

– А с тобой что?

– А меня лекарка выходила, только горбатым остался, – Бурей вцепился в край столешницы так, что толстенные доски захрустели. – А горбатуму только в обоз! Глядишь, и в обоз бы не взяли – я ж половину слов выговорить не мог!

– Да ты что? А как же?

– Матушка Настёна вылечила. – На лице горбуна появилось совершенно для него невозможное выражение доброты, мелькнуло даже что-то похожее на улыбку.

– Та лекарка?

– Дочка её – лекарка нынешняя. Оттого и матушкой её зову, хоть и младше меня она...

– За то, что вылечила?

– Дурень ты, Кондрат! – Бурей от досады махнул своей лапищей. – Вроде умён, а такую хреновину ляпнул! Матушку она мне заменила – своей-то я не видел, родами померла... Упокой, Господи, её душу. И твоих давай помянем.

За помин души выпили, не чокаясь. Бурей захватил из миски горсть капусты и принялся с хрустом жевать.

«Это ж как его приложило! Тут любой озверееет... Как живёт-то на свете? Не, мне поменьше досталось».

– А с Агеем что? Расчёлся за обиду? – Сучок всем своим видом продемонстрировал, что в новом знакомом не сомневается.

– Дядьке моему это не по силам оказалось – квёлый он был, вот и забоялся против сотника идти, а я не успел, – скрипнул зубами Бурей. – Пошёл Агей лесовиков примучивать, те его опоили да под лёд спровадили. Даже могилки нет, чтоб помочиться! – обозный в сердцах махнул рукой и снес со стола несколько мисок. – Вот так, и кровью теперь не возьмешь: сын обидчика за меня же вступился! И кому мстить прикажешь? Тому, кто жизнь тебе спас? Или семени его? Да ещё напропорчили мне, что ежели снова в Ратном Бешеный Лис родится, то не жить мне – прикончит...

– И что?

– А то! Родился! – ухмыльнулся Бурей. – Внук Корнеев – Минька. Сопляк борзый. После того, как ещё по снегу он с лесовиками схлестнулся, ратники его Бешеным Лисом звать стали. За дело – и впрямь в прадеда уродился! Ну, и как мне жить? И убить его нельзя, и не убить нельзя!

– Серафим, да наплюй! Врут все пророки! – Сучок сам не понял, почему ему вдруг до зуда в ладонях захотелось утешить и поддержать собеседника. – Я по свету немало шатался, насмотрелся! Им бы только в калиту⁵ к тебе залезть – вот и плетут чего ни попадя, лишь бы позакывыристей! Давай выпьем лучше!

– А и давай, Кондрат! Как ты там говорил – спьяну дерьмо хуже видно? Подставляй ковш!

Они выпили ещё не один раз. Молча. Бурей вскидывал голову, опрокидывал в глотку содержимое кружки, скрипел зубами и снова свешивал голову до самой столешницы, а Сучок залпом высасывал ковш и тяжело вздыхал: то ли оттого, что вспоминал свою непутёвую и неустроенную жизнь, то ли хмель в пострадавшей башке шумел, как толпа подёнщиков на найме. Ни плотницкий, ни обозный старшина не закусывали – в горло не лезло.

После такого и не полезет. Так уж устроен человек: надо ему хоть изредка поделиться с кем-то своей болью, выпустить её из себя. А она, зараза, любит напоследок от души полоснуть когтями по сердцу. Только нет у неё больше прежней власти – на смену ей поднимается из нутра не менее глубоко запрятанная часть сокровенного – светлая: мечты, надежды, потаённые радости...

Вот тут пропадает и второй страх, а на смену ему приходят силы, убеждённости, готовность горы своротить ради воплощения своей мечты. И не страшно уже поведать об этом – ведь за столом в этот момент друг напротив друга две обнажённые души и видят друг в друге много чего, прежде всего, конечно, своё отражение. А если тела к тому времени уже языками плоховато ворочают, так это не беда – всё равно тут уже не языками разговор ведётся, и утаить ничего не получится.

Вот и Бурей после очередного возлияния поднял голову, обвёл мутными глазами горницу и вдруг хрипло прорычал:

– Кондрат... ты чего в жизни хочешь... а?

– Ну, ты... ик... спросил! – язык уже плохо слушался Сучка. – Хре-е-ен его знает... Тут... эта, в двух словах и не сказать!

– А ты с...кжи! – Бурей язык тоже подвёл. – Вот возьми... и скжи!

– Ик! И скажу! – Сучок попробовал приподняться, но рухнул обратно на сундук. – К-к-к-рассоты хочу, вот!

⁵ *Калита* (др.-русс.) – кошель.

– Хрр-р... – Бурей с пьяной грацией сначала влез рукой в миску с мясом, а потом рукавом вытер рожу, отчего она покрылась толстым слоем жира. – К-к-к-какой кр-р-расоты? Бабу, что ли?

– Дурень, ты... ик... Сер...фимушка, – Сучок одной рукой ухватился за стол, а вторую воздел вверх в указующем жесте. – Нии-че-гошеньки в красоте не п...нимаешь! И сундук у тебя... пляшет, вот! От гого...значит... и не пнимаешь!

– Кого «гого»? – Бурей озадаченно уставился на собеседника. – Хде он есть?! Из-за него, гриш, не пнимаю?

– Дык... ик... сундук! – Сучок воинственно выставил бороду. – Вертится! Оттого ни в жисть!

Бурей сосредоточенно засопел, вылез из-за стола, рикошетом от стены добрался до сундука и от души пнул его. Сундук с шумом устремился в противоположный угол, а Сучок, лишённый точки опоры, со всей дури приложился задницей об пол.

– Ты... ик... чего дерёшься?! – От падения плотницкий старшина немного протрезвел.

– Так не с тобой же! – Бурей недоумённо развёл в стороны свои лапищи. – С сундком! Ты сам хрил, что красоту из-за него!

– А-а-а! – Сучок поудобнее утвердил зад на полу. – Т. да... ик... и поделом ему!

– О! – Бурей крикнул, за ворот поднял артельного старшину с пола, вместе с ним последовал к лавке, утвердил на ней полузадушенного гостя и утвердился сам. – Р-сказывай, что, хрр, за к-рсота т-кая, что она тебе баб нужнее?

– Погоди, лешак, – с натугой просипел мастер. – Чуть не удавил, ведьмедище!

– Ты, хррр, извиняй, Кндраш, – повинулся обозный старшина. – Я... это... с радости могу и того... Давай выпьем лучше!

– Давай! – уже с меньшими усилиями просипел Сучок.

Бурей, попадая мимо посуды, разлил то ли брагу, то ли пиво – сотрапезники уже не очень понимали, что пьют. Ковш и кружка со стуком сошлись в воздухе, после чего их содержимое устремилось в утробы приятелей.

– Ик... Хор-рошо пшла! – доложил Сучок и ухватил со стола что-то съедобное.

– Ык! – подтвердил Бурей и последовал Сучкову примеру. Судя по хрусту, донесшемуся из его пасти, на зуб ему попало что-то мясное, причём с костями, но обозный старшина значения этому не придал.

– Ты р-ск-зять об-щал, – напомнил он приятелю и сплюнул особо упрямый осколок кости, который никак не желал разжёвываться.

– Сслушай, С-с-серафимушка, – Сучок постарался придать своему лицу одухотворённое, как у пророков на иконах, выражение. – Красота она... это во всём есть! Вон... лес шумит... небо там... солнышко... бабы поют... Вот значит, когда чего строишь вот... эта... вспоминаешь... особенно, когда терем...

– Бабы это хорошо, – Бурей изо всех сил закивал головой. – Особенно когда хрр... терем! Вот... брали, значит, на щит...

– А вот... ик... храм когда... белокаменный, – Сучок не слушал, что там ему отвечает Бурей, – чтоб... эта... как облако белый... чтоб к небу!

– Эт да! – морда Бурея из пьяной стала мечтательной. – Когда тело белое... хрр... оно... как в небо!

– Во-во! Всё ты... ик... Серафимушка... понимаешь, голубь! Чтоб как облако в небе... Своими руками... да головой!

– Кондраш, хрр, ты... эта... чего? – Бурей в величайшем изумлении воззрился на приятеля. – Когда баба... тело... ик... белое... А ты своими, хрр... это... руками! Грех это... ик! Особенно когда оно... того... после бани! Слушай, Кондраш, а своей головой это как, а?

– С-с-с... бабой? Головой... ик? Н-не знаю! – Сучок выпучил глаза и замотал башкой, да так, что чуть не сверзился с лавки. – Эт-то г-г-греки, м-мать иху злодергучую... Вот они... ик... не по-людски... ик!

– А, гр-ки! Ну их в жпу! – подытожил Бурей и принялся ковыряться в зубах.

– И туда... ик... они... тоже! – кивнул Сучок. – Двай, эта... вьем, С-рфимшка!

– Хрр, давай! – Бурей разлил хмельное.

– Греки, они... ик... строить горазды! – Сучок попытался поймать ускользнувшую мысль. – И красоту... пнимают, вот!

– Ы? – заинтересовался обозный старшина.

– Только... ик... они, эта, сами ся... эта... серпом по этим... самым, – Сучок показал руками, как и по каким «самым».

– Что... хррр... фсе? – удивился Бурей.

– Не... ик... тлько те, знач, кто всё... по этому, к-к-как его, м-мать... ка-ка-ка... ккканону, вот!

– Хрр, вот нелюди! – глаза обозного старшины налились кровью. – Как мы их, хрр, на Дунае!

– От... ик... Серфимшка, истинно! – Плотницкий старшина взглянул на приятеля почти с обожанием. – Влёту... в них нет! А у меня есть!

– У тебя есть! – согласился Бурей. – Ты ж не серпом!

– Точно, Серафимушка! – от душевного подъёма мастер даже совладал с непослушным языком. – Есть он у меня! Глаза закрою и вижу! Белокаменный и ввысь возносится, аки лебедь, до неба самого, вот!

– Баба? – заинтересованно уточнил Бурей.

– Сам ты баба! Храм!

– Ну, хрр, если баба хорошая... Можно и в храм... Венчаться! – обозный старшина утвердительно кивнул головой.

– Да построить я его хочу! – возопил Сучок.

– Конечно, построишь! – ещё энергичнее закивал Бурей. – А то где венчаться?

– Да ну тебя! Наливай лучше! – махнул рукой Сучок и рухнул с лавки.

Бурей подхватил приятеля, водрузил его обратно, сунул в руки ковш и задал в высшей степени глубокомысленный вопрос:

– Ы?

– Бумздровы! – Сучок прекрасно понял приятеля.

– Ты, хрр, эт, Кндраш, дальше скзывай, – попросил Бурей и принялся закусывать.

– Вот, ик, Серфимшка, с соплячих лет... значит, – принялся рассказывать о своей мечте мастер.

Бурей растроганно слушал, кивал, поддакивал и, видимо, из-за одолевшего его сентиментального настроения со страшной силой уминал всё подряд, что стояло на столе. Однако, занятый поглощением пищи и занимательнейшим рассказом косноязычного от возлияний плотника, обозный старшина не забывал о долге радушного хозяина и не раз подливал гостю, не забывая, впрочем, и себя.

– Вот... ик... ткой снаружи он и будет, Срфмушка, а снутри... – плотницкий старшина осёкся на полуслове: Бурей, с синим лицом, сидел молча, с закатившимися глазами, и не дышал.

– Серафимушка-а-а! – от вопля Сучка всполошились все окрестные собаки, однако Бурей остался тих, синь и бездыхан.

Мастер вскочил с лавки и принялся трясти друга за плечи. С тем же успехом можно было пытаться голыми руками вырвать столетний дуб – обозный старшина остался недвижим.

– Ты что ж, аспид, помереть тут удумал? – Сучок со всей дури попытался садануть кулаком по физиономии Бурея, однако попал по спине.

Обозный старшина вернул зрачки на место и издал звук, похожий на тот, который издаёт стаскиваемый с ноги мокрый и тесный сапог, крупно сглотнул и задышал:

– Ох, спси... тя... бог, Кндраш! – лёгкие Бурея работали не хуже кузнечных мехов. – Помр бы, кабы не ты! Дай рсцелую, дрг любзный!

Сучок попытался уклониться, но Бурей медвежьей хваткой облапил его, выдавил из лёгких весь воздух и расцеловал, щедро перемазав при этом застывшим жиром.

– Пусти, ведьмедина! Задушишь к едрёней матери! – последними остатками воздуха прохрипел мастер.

– Эх, Кондрат, где ты раньше был?! – дыхание у горбуна уже вполне восстановилось, даже язык лучше ворочался. – Никогда так душевно ни с кем за чаркой не сидел!

– От и я с тобой, Серафимушка! – Сучок от избытка чувств не только протрезвел слегка, но и пустил слезу пьяного умиления. – Не знал не ведал, что тут такие душевные люди живут!

– Давай ещё тяпнем, Кондраш?

– Давай! – согласился плотницкий старшина. – Только по маленькой, а то я с утра с Алёной – соседкой твоей... ик... сговорился. Крыша у ней... ик!

– Хррр... Неужто уже сговорился? – Бурей полез пятернёй в свою необъятную шевелюру. – Умеешь! Быстро ты, ить! Молодец, коли так! Она, ить, баба добрая!

– А чо там... ик... уметь-та?! – Сучок горделиво задрал нос. – Дранку... ик... перестелить... умеючи-то? Да раз плюнуть!

– Хрр, бабу с умом да умеючи легко уговорить, – согласился Бурей.

– Во-во, топориком тюк... – начал было Сучок, но осёкся – забыл, чего сказать хотел.

– Эт ты, хрр, врёшь... топориком, – замотал башкой Бурей, – Не успел ты Никона приголубить – я отобрал! А ты чего ёрзаешь-то?

– В нужник хочу! – отозвался Сучок, слегка посучивая ногами.

– Так иди! – милостливо разрешил Бурей, широким жестом указывая на дверь. – Тама он!

– Ноги не идут! – плотницкий старшина засучил ногами активнее: подлый мочевого пузырь от напоминания усилил свой натиск.

– Давай подсоблю! – Бурей попытался встать, но не смог. – Хрр, и у меня не идут!

– А давай, Серафимушка, вместе... Оно вместе сподручнее, мы в артели завсегда так, – Сучок ухватил ручищи Бурея и пристроил себе на плечи. – Ну, давай, встали! Раз, два – взяли! А теперь ножками... сперва левой, потом правой, а то обмочусь!

Друзья, упираясь лбами друг в друга, сделали несколько шагов и дошли почти до двери, но тут Бурей встал и шумно выдохнул:

– Погодь, Кондрат, тяжко чего-то! Мож, песню затянем? С песней на походе сподручнее!

– Давай! А какую?

– А счаз! – и Бурей во всю глотку заревел:

Будет плакать по мне, добру молодцу,
Жена-жёнушка, раскрасавица-а-а.
Пусть ей чёрну весть принесут поутру,
Что вдовой вековать оста-а-а-анется.
Приведут коня мово в поводу-у-у,
Меч да бронь сберегут для неё-о-о-о,
Мои други, передайте тогда-а-а-а
И остатнее слово моё-о-о-о:
Ты не плачь, не грусти жена обо мне-е-е
Да за сыном лучше гляди-и-и.

Меч ему отдай по весне-е-е-е
И в поход его проводи-и-и-и.

Бурей тяжело вздохнул, открыл башкой (руки-то заняты) забухшую дверь, набрал в грудь побольше воздуха и снова затянул песню:

Их го-о-оловы бу-у-уйны лежат в ковыля-а-ах,
Над ни-и-ими лишь во-о-ороны вью-у-у-утся!

Этот припев подхватил уже и Сучок. С такими вот завываниями друзья преодолели около трети той бездны вёрст, что отделяла их от нужника. Их славный анабасис сопровождался залиvistым собачьим лаем и забористыми комментариями соседей насчёт «свербигуздов, по ночам шляющихся».

- Не, так не пойдёт! – вдруг заявил Сучок.
- Чего не пойдёт? – не понял Бурей.
- Песня не пойдёт! – мастер не на шутку рассердился. – Не дойдём! Унылая она!
- А какую надо? – насупившись, спросил обозный старшина.
- Бодрую! Про богатырей чтоб!
- Хрр, эт можна! – оскалился Бурей и тут же выдал на удивление бодро и трезво:

Будет плакать по мне, добру молодцу,
Эх! Жена-жёнушка раскрасавица-а-а.
Принесут ей чёрну весть – эх! – поутру,
Что вдовой вековать о-о-останется. Эх!
Приведут коня мово в поводу-у-у, ой-ля-ля!
Меч да бронь сэберегут для неё-о-о, эхма!
Мои други, передайте тогда-а-а-а, твою мать!
И остатнее слово моё, – ух, да мое!
Ты не плачь, не грусти, жена, обо мне-е-е, эхма!
Да за сыном лучше гляди-и-и, твою мать!
Меч ему отдай по весне-е-е-е, эхма!
И в поход его проводи, уй лю-лю!

Под эту песню и вправду пошло лучше – до нужника друзья доковыляли резво и даже приплясывая. Обратный путь занял меньше времени – Бурей и Сучок знали уже, как скрасить его тяготы, да и прохладная майская ночь немного повыветрила из них хмель.

– Ох ты ж, едрит твою бревном суковатым, – удивился Сучок, глянув на небо. – Хорошо с тобой, Серафимушка, но и честь надо знать! Работать мне завтра! Давай на посошок, и пойду я.

– Хрр, итить его, только сели! – Бурей открыл дверь в избу. – Ладно, на посошок и всё!

Они выпили «на посошок», потом «стремянную», потом «на ход ноги», потом «за лёгкую дорогу», а потом Сучок с размаху шваркнул кулаком по столу:

– Не пойду никуда! С кем ещё так душевно поговорить, кроме тебя, Серафим Ипатьевич?!

– Хороший ты человек, Кондратий Епифанович! – Бурей облобызал друга. – Давай за это?

– Давай!

– От до чего же ты хороший человек! Почаще нам встречаться надо! – обозный старшина хотел хлопнуть мастера по плечу, но попал по голове.

Сучок упал с лавки на пол и захрапел. Бурей потряс храпящего друга, потом ещё... и ещё – Кондратий не просыпался.

– Хрр, спит! – Бурей сел на лавку. – И чего с ним делать? А-а-а, домой его надо! К Алёне!

Обозного старшину ничуть не заботило, что он думает вслух. Совсем даже наоборот – так легче было отлавливать разбегающиеся, словно тараканы в запечье, мысли.

– Он же её того... И ладно! – обозный старшина подкрепился из кружки. – Всё ж лучше Никона.

Тем, кто успел заснуть после вокальных упражнений друзей, спать пришлось не долго. Сначала от грохота проснулись псы по всему Ратному, а за ними подтянулись и хозяева. Ну, не могли соседи не высунуться из-за заборов, чтобы узнать причину безобразия.

Зрелище, надо сказать, было занятным: Бурей со всей мочи колотил своим кулачищем в Алёнины ворота, а на плече его похрапывал давешний лысый забияка. Да так сладко, поганец!

Наконец ворота отворились, и перед зрителями предстала наспех одетая Алёна, сжимающая в руке немалых размеров тесак.

– Бурей, ты что, совсем с глузда съехал?! – Гнев хозяйки аж плыл по воздуху.

– Не серчай, соседка, – Бурей постарался придать своему голосу кроткие интонации. – Я тут, хрр, эта, твоего Кондрата принёс! Ты его, смотри, не пришиби – он у тебя хозяйственный!

– Чего?! – отшатнулась от изумления Алёна.

– Кондрата своего забирай, грю, – Бурей вывалил Сучка прямо в Алёнины объятья. – Утомился он! А ему утром крышу крыть!

Алёна машинально подхватила тело. Сучок причмокнул во сне губами.

– Ты его береги, дружка моего сердечного! Совет вам да любовь! – Бурей смачно поцеловал воротный столб.

Алёна, будучи бабой умной, поняла, что спорить сейчас с Буреём – только давать соседям лишний повод поглумиться. Да и бесполезно, всё равно не переспоришь. А потому выбрала единственно возможный способ прекратить это безобразие: перехватила Сучка под мышку и под общий хохот захлопнула калитку перед носом соседа.

– Откуда ты на мою голову взялся, аспид? – раздалось из-за ворот. – Черти тебя принесли!

– Ну вот, даже спасибо не сказала! – обиженно изрёк Бурей и поплёлся к своим воротам, где уже маячила с факелами насмерть перепуганная дворня.

Утро у Кондратия Епифановича выдалось хмурым. В прямом смысле этого слова. Хмурый утренний свет, едва пробивающийся через волоковое оконце, хмурая Алёна, безжалостно растолкавшая его ни свет ни заря... А уж что творилось в голове, глотке и брюхе! Словом, мрачно, уныло и гадостно. Однако делать нечего, раз назвался груздём – полезай в кузов. Вот Сучок и полез. На крышу. Дранку менять.

На крыше было не очень. Даже очень «не очень», с бодуна-то! Да и утренняя прохлада бодрила. И работой не согреешься: дранку менять – дело кропотливое и махания топором из-за плеча не любит. Словом, терзала плотницкого старшину исконная русская мужская болезнь – утренний озноб, и от того озноба лезли в голову мысли всякие...

«Етит в бога душу поперёк и наискось да с продёргом! Алёна что, белены объелась? Пьяных, что ли, не видала? Нет, в сенях бросила, кожушником прикрыла, а с зарёй чуть не пинком подняла, ковш квасу сунула, плешь чем-то смазала и на работу... Вот едрён скобель! Да ещё и шипит, что твоя рысь: «Вы чего с Буреём наплели?» Хоть не прибила... Тьфу, бабы, чесать их бревном суковатым! Бурей-то тут причём?»

Бурей, как подслушивал, тут же вылез на крыльцо своего дома. Рыкнул, потянулся, ещё раз рыкнул, выхлебал чуть не ушат рассола, который поднесла ему зашуганная холопка, хлоп-

нул её по заду, прямо с крыльца через полдвора справил малую нужду и только потом заметил Сучка, медленно перемещающегося от стрехи к коньку Алёниной избы.

– Здорово, сосед! – рев и улыбка обозного старшины могли напугать кого угодно. – Ты как после вчерашнего-то, Кондраш?

– Здорово, Серафим! – помахал рукой с крыши Сучок. – Башка трещит, язва!

– Так ты, хрр, похмелись! – участливо рыкнул Бурей.

– Рад бы, – в голосе мастера прозвучала тоска. – Да нельзя... Крышу вот...

– А-а-а! – осклабился Бурей. – Алёна твоя не велит, чтоб не сверзился? Она может – грозна у тебя баба!

– Чего?!

– Правильно, говорю, не наливает! – Обозный старшина наставительно погрозил пальцем. – Бережёт своего, чтоб не сверзился! Никона вот не берегла! Как она его поленом! Вот звезданёшься по пьяни, с кем мне тогда за чаркой посидеть? Ладно, бог тебе в помощь, Кондрат, ты заходи, если что, – и Бурей скрылся среди построек.

В голове у Сучка разом запели птички. Звонко так, заливисто... Да и перед глазами замаячило что-то, подозрительно похожее на звезды.

«Они что, повенчали нас уже?! Когда?! Кто?! То-то Алёна чуть с утра не пришибла! Ведь не было ничего! Или было? Не, не было! А как же? Да хрен его знает! Бабы, чтоб им! Язычищи до пупа! А крайним я остался... К Алёне вон уже третья соседка заходит и третья, как ошпаренная, вылетает... Чего делать?»

Сучок переместился повыше и принялся снимать подгнившие драни.

«Хорошо, что не сильно кровля подгнила – там дрань, тут дрянь... Рядами снимать не надо, всю перекрывать тоже, а то упарился бы тесать, да и из чего? Небогато леса у Алёны... Ладно, на крышу хватит... Сегодня и закончу».

Мастер пристроил ещё несколько драней.

«Закончишь – и что? Пойдешь, солнцем палимый? Ох, и дурень ты, Кондрат! Не валяется такая баба на дороге! Не хочу! Хочу не хочу – делать-то чего, чтоб остаться?»

Хлопнула дверь, и на дворе появилась хозяйка.

– Алёна! – Сучок решил ухнуть с головой прямо в омут. – Гляди, ещё и на амбаре крыша прохудилась! Поправить надо!

– И что? – неласково отозвалась женщина.

– Как что? Тут закончу – там займусь! – Мастер лихо крутанул ус.

– А успеешь? – Алёна пожала плечами.

– Должен! – ухмыльнулся Сучок.

– Ладно. – Хозяйка совершенно равнодушно двинулась дальше.

«Етит твою скобелем! Тут иначе надо!»

Иначе получилось не сразу, совсем не сразу. А может, и не иначе, а просто хозяйственные разговоры, которые упорно затевал мастер, подобно той капле, что, как известно, и камень точит, своё дело всё же сделали – ближе к обеду они с Алёной уже перешучивались и оживлённо обсуждали, что и как стоит поправить да переделать на подворье.

– Слезай, мастер! Обедать будем! – Хозяйка приветливо махнула рукой и скрылась за дверью.

«Фух, вроде оттаяла. А если нет? Не поймешь их, баб!»

Сучок, слезая с крыши, заметил очередную подглядывающую бабу, хмыкнул про себя, соскочил на землю, неторопливо умылся и двинулся в избу.

Алёна молча поставила перед плотником миску со щами, положила ложку и ломоть хлеба.

– Благодарствую, Алёна Тимофеевна, – Сучок постарался поклониться и почтительно, и игриво одновременно.

– Садись, мастер, – хозяйка не приняла игры плотника. – Ешь, давай! Не дело работника некормленным держать.

«Уела! Ну, баба!»

Сучок сел к столу. Неторопливо зачерпнул ложку, осторожно над куском хлеба донёс до рта, проглотил и с достоинством поблагодарил:

– Хороши щи, спаси тебя бог, хозяйка!

– На здоровье, мастер, – ещё более светским тоном отозвалась Алёна и устроилась на противоположном углу стола.

– Работу посмотреть не желаешь ли, Алёна Тимофеевна? – Сучок решил подъехать с этой стороны.

– Благодарствую, Кондратий Епифанович, – не слишком низко поклонилась хозяйка. – Ты мастер справный, пригляд за тобой не нужен, а мне недосуг.

– Отчего знаешь, что справный? – Плотницкий старшина хотел подмигнуть, но в последний момент передумал.

– Так сотник Корней других держать бы не стал, – совершенно спокойно отозвалась женщина.

В такой вот светской беседе прошёл весь обед. Как Сучок ни старался, Алёна оставалась лишь вежливой хозяйкой, приветливо беседующей с нанятым работником. Вот с той же хозяйской приветливостью, которая так хорошо известна дельным мастерам, и выставила она плотницкого старшину по окончании обеда обратно на крышу. Ровно, вежливо и с улыбкой.

«Что, Кондрат, зацепила тебя богатыря? То-то и оно... Так ведь и я её! Или нет? Играет, как лисица с мышом! Не-е-е, красавица, я супротив тебя, конечно, мелковат, да только мелкая блоха злее кусает! Так что, Кондрат, мышом-зверем тебе не бывать! Поглядим, Алёнушка, насколько тебя хватит от соседок трепливых отбиваться – они-то за тебя всё решили! А я и не против... О! Вот эта баба любопытная мне и поможет!»

Любопытная баба меж тем просочилась в калитку и шустро просеменила к Алёне, затеявшей во дворе стирку. Глазёнки незваной гостьи так и блестели от предвкушения – не успела калитка хлопнуть, а она уже преодолела полдвора. Алёна обернулась на стук, увидела посетительницу, и в воздухе тут же отчётливо повеяло намечающимся убийством.

* * *

А кто бы на месте Алёны не озверел? Мало того, что страхолюдный сосед посреди ночи принёс ей, в сущности, совершенно незнакомого и в дупель пьяного мужика, так ещё и языком своим поганым перед всем селом чуть ли не повенчал с ним. Ну, в постель уложил точно. Хуже того – всё это слышали соседки! А уж если сарафанное радио начало работать, то его уже не остановишь.

И не оправдаешься теперь, только хуже сделаешь. Лысый коротышка-плотник, похоже, всерьёз решил занять то место, что ему приписала молва, и клинья стал подбивать будьте-насте! Одно начало знакомства чего стоило: не каждый день и не из-за всякой женщины мужи оружно дерутся! Лестно, конечно! Только за такие подарки судьба плату требует – у-у-у!

Вот и Алёне выпало – не расплатишься: все её подруги, знакомые и, выражаясь суконным языком канцелярий, «лица, претендующие на вышеупомянутые звания», гуськом потянулись на Алёнино подворье, чтобы, масляно поблёскивая глазками и подхихикивая, сунуть свои губы прямо Алёне в ухо и прошептать: «Ну, как он, а?» или «И давно? А чего молчала?» Нынешняя посетительница была девятой.

С улыбкой мойры, собирающейся оборвать нить чей-то судьбы, Алёна обернулась к любопытной, в руке её качнулся тяжёлый деревянный рубель, однако сплетница ничегошеньки

не замечала и беды не чуяла – дурной интерес гнал её на встречу с рубелем. Сверху, как кот с забора, наблюдал за ней Сучок.

«О! Хорошо пошла! Куда ж ты разлетелась, дура? Ох, быть тебе, баба, битой! Глазёнками-то как сверкает, а? Та-а-ак, раз, два-а-а... Давай, Кондрат!»

– Алёна, как зимовать-то будем?! Тут по всему подворью делать – не переделывать! – Плотницкий старшина лихо подкрутил ус и подмигнул хозяйке.

Казалось, от Алёны сейчас займется пламенем надворные постройке. Во взгляде разъярённой женщины сквозило обещание: «Погоди, сокол ясный, рано или поздно ты оттуда слезешь!» Рубель в её руке мелко подрагивал. Посетительница, между тем, колодой застыла посреди двора. Ну, не то чтобы совсем неподвижно – вращать глазами, открывать и закрывать рот, а также громко икать она могла вполне уверенно. Словом, баба являла собой картину того, что в будущем станут обозначать выражением «от радости в зобу дыханье спёрло» – сейчас она переживала высшую форму экстаза, доступную сплетнице: она видела и слышала! Сама! Своими глазами и ушами! Но плохо она знала Сучка – вовсе не для её удовольствия затеял он этот рискованный разговор.

– Один насест для кумушек твоих сколачивать запаришься! Это которая по счёту-то? – Сучок стремительно принялся закреплять первоначальный успех, давая хозяйке время опомниться и не испортить задуманное. – Ежели так дальше пойдёт, то через весь двор ставить придётся! И высоченный!

– А высоченный зачем? – Алёна сообразила, что плотник ведёт какую-то игру, и решила подыграть, ибо после ночных и дневных приключений терять ей уже было нечего.

– А как же иначе, Алёнушка? – Кондратий показал в улыбке все свои много пережившие зубы. – Коли низко излажу, под ногами путаться будут – вовсе житья от них не станет!

– Что верно, то верно, Кондрат! – эти слова Алёны почти пропела. – И что велик насест будет, тоже верно! Враз ты хозяйским глазом всё узрел! Они ж там ещё и друг дружку клевать начнут – одна сверзится, две заберутся!

– Истинную правду говоришь, Алёнушка! Пуху да перьев будет – у-у-у! – Мастер снова крутанул ус. – А вот нестись ни в жисть не станут! Сплошной убыток! Как зимовать-то?

– И ещё, Кондраш, ты б насест не через подворье ладил, а? – Голос Алёны просто истекал мёдом и ядом.

– Это как скажешь, хозяйка! – тут же отозвался с крыши плотницкий старшина. – Как велишь, так и сделаю!

– Тогда делай вокруг – прямо над тыном! Не хочу я по своему двору ходить да наверх поглядывать, как бы чего не то на голову не шмякнулось! – припечатала Алёна и уже сама подмигнула мастеру.

Пришлая баба, наконец, захлопнула рот, побагровела, как свёкла, развернулась и опрометью кинулась вон со двора. Сучок заложил в рот два пальца и оглушительно свистнул ей вслед. Баба под хохот соседей припустила ещё пуще.

– Так что с насестом-то? – сквозь смех снова спросил плотницкий старшина, радуясь своей удаче и тому, что не ошибся в Алёне – ох, не дура ему на пути попалась! – Ладить?

– Теперь и не знаю – ты ж всех клуш распугал! – Алёна картинно развела руки. – Не видать нам с тобой, знать, пуху!

На улице кто-то громко хрюкнул от избытка чувств.

– Стал быть, крышу доканчивать, Алёна Тимофеевна?

– Её, Кондратий Епифанович!

День потянулся своим чередом. Алёна хлопотала по хозяйству внизу, а Сучок работал работу наверху. Время от времени они перешучивались, случалось, что и подначивали друг друга, а то и просто чесали языками. И было им отчего-то хорошо и спокойно...

Солнце зацепилось нижним краем за верхушки леса, что рос за окружающей Ратное поляной, и застыло там, не в силах решить: закатиться ему за горизонт или погодить чуток. Сучок пристроил на место последнюю дрань, со вкусом потянулся, подобрал инструмент и, не торопясь, слез на землю.

– Закончил, мастер? – Алёна появилась на пороге избы.

– Закончил, хозяйюшка!

– Тогда вечерять пошли.

Вроде бы ничего в Алёниной избе со вчерашнего вечера не изменилось, а поди ж ты – не получалось сегодня давешнего разговора, не протянулись вновь между хозяйкой и работником вчерашние нити. Даже удачная шутка, распугавшая со двора любопытных, не помогла. Не связывалось сегодня, и всё тут! А может, пытаться и не стоило – может, такие незримые эфирные связи должны сами возникать между людьми? Не любят они суеты и попыток пришпорить время. Или сами решают, готовы ли люди принять их? Кто знает, кто знает?

Ложки заскребли по дну мисок. Алёна встала и собрала посуду. За ней поднялся и Сучок. Повисла неловкая тишина. Сначала неловкая, а потом и тягостная, но никто не решался её нарушить. В подполье, занимаясь своими мышиными делами, заскреблась мышь. Алёна, очнувшись, подошла к сундуку, достала из него что-то завернутое в тряпицу и протянула Сучку:

– Благодарствую мастер, вот, возьми за труды.

– Спасибо, хозяйка, – хрипло ответил Сучок и, не глядя, сунул свёрток за пазуху. – Так я пойду?

– Иди, мастер, – Алёна на секунду запнулась, а потом добавила: – Спасибо тебе и за работу, и за беседу.

– И тебе спасибо, хозяйка! – Сучок надел шапку и, не оглядываясь, вышел из избы.

* * *

Все же интересно, что за штука такая – любовь и как она возникает? Многие пытались найти свой ответ на этот вопрос и даже находили, правда, никто не смог ответить на него до конца. Не дано это людям, да и надо ли? Не лучше ли бесконечно искать ответ, открывая всё новые и новые грани сей вековой тайны? Ведь искали же Гомер, Овидий, Петрарка... Шекспир, Пушкин... Петя Иванов тоже искал и ведь нашёл! Причём своё, неповторимое.

Не избежал общей участи и Стендаль. Великий француз остроумно сравнил зарождение любви с кристаллизацией:

«В соляных копиях Зальцбурга, в заброшенные глубины этих копей кидают ветку дерева, оголившуюся за зиму; два или три месяца спустя её извлекают оттуда, покрытую блестящими кристаллами; даже самые маленькие веточки, которые не больше лапки синицы, украшены бесчисленным множеством подвижных и ослепительных алмазов; прежнюю ветку невозможно узнать. То, что я называю кристаллизацией, есть особая деятельность ума, который из всего, с чем он сталкивается, извлекает открытие, что любимый предмет обладает новыми совершенствами».

Красиво, не правда ли? По Стендалю, эти любовные кристаллы, как и кристаллы природные, так же растут или умирают, в зависимости от того, в благоприятную или нет среду им случится попасть. Поэтому, когда зарождается любовь, так важно, чтобы между свиданиями проходил определённый срок. Дайте воображению влюблённого работать – это хорошо для кристаллов, но не дайте им перегореть...

Вот только не учел классик, что действует эта химия на каждого человека по-разному. И если у Сучка, как бы не впервые осознавшего, чего он сам себя лишил, ударившись в кобеляж, любовная химия заработала вовсю, то у Алёны – увя. Да и с чего? Кобелей она не видала, что

ли? Да во всех видах. Одним больше – одним меньше. Надоели хуже горькой редьки, уже и поленом отбиваться приходится. Не девчонка сопливая, чай, распущенным хвостом не возьмешь. Не того она в мужах искала: надежности, хозяйственности, разума, рассудительности, словом, той пресловутой каменной стены, за которую и спрятаться не грех. А в петухе безмозглом, что в драку лезет да хвост распускает, какая надежность? То-то и оно...

Так что зря Кондрат перья свои помятые распускал и корнем хвастался – подобрала его Алёна не от того, что к витязю великому страстью воспылала, глядя на храбрость его былинную да плешь лучезарную, а чтобы не убили дурака ненароком. Убьют – Корней за своего работника спросит. Мол, совсем сдурела, баба – из-за тебя уже оружно дерутся и покойники случаются? Задницу-то прижми! И все – была честная вдова, а стала потаскуха. Оно Алёне надо?

Правильно, не надо. Вот и сбивала она плотницкому старшине кобелиный настрой задушевым разговором. И вынесла из того разговора только одно – не совсем козёл мужик, оказывается. Кой-какой интерес появился, только когда удалось Сучка к делу приставить – вот тут оказалось, что у мелкого забияки руки откуда надо растут, да и голова вроде бы варит. А уж симпатия какая-никакая возникла, только когда вместе от кумушек отбились. И ключевое слово тут «вместе».

Чувствуете разницу? А Кондратий не чувствовал. Вовсе. Так уж получилось, но мужчины и женщины смотрят на одни и те же вещи по-разному. Вот и трактовал он все сомнения в пользу обвиняемого, то есть себя, любимого. Не может мужик в себе сомневаться. Природой не положено, ибо незачем сомневающемуся размножаться. Оттого и разговор задушевный, и то, что по хозяйству пристроили, и то, что кумушек разогнали, и что за стол посадили, и что рубахой одарили, и даже то, что за порог выставили, – все добрым предзнаменованием счел.

И еще – черт знает, как это у женщин получается, но они, даже желая вовсе противоположного, все равно умудряются подцепить мужика на крючок...

Так что через три дня и четыре ночи после расставания, в самый правильный для роста кристаллов срок, в сумерках кто-то рванул дверь Алёниной избы.

– Не договорили мы с тобой, хозяйка! – решительно сказал Кондратий и переступил порог.

Кристаллы, понимаешь! Химия...

Глава 2

Июль 1125 года. Село Ратное и окрестности

Лошадиные копыта мягко стучали по пыльной дороге – лето в этом году выдалось сухим и тёплым. Кондратий Сучок лежал в телеге, жевал травинку и смотрел на макушки берёз, что медленно проплывали мимо. Солнце припекало, летела по ветру паутина, по небу плыли облака, мерно поскрипывали колёса – лежи себе да думай...

Вот и думал старшина: сначала о работе – тын в Ратном сгнил к растакой-то матери, да и расширить его велено, а людей и материалов хоть самому рожай – нет. Потом о зазнобе своей, Алёне – вот эту думу приятно было думать, ох, приятно! – а с Алёны мысли перескочили на её соседа, друга сердечного – Серафима.

«Вот бы с Серафимушкой за чаркой посидеть... Только с ним в этом Ратном и можно поговорить по-людски. Нет, Алёна, конечно, рыбонька моя и всё такое – кого хошь за неё порву. Слов нет: умница, красавица, хозяйка на загляденье, кулаками машет – и вовсе не подходит, насмерть пришибёт. Совет с ней держать – милое дело, умна баба, но баба же! Мужеского разговора по душам с ней все одно не получится, а вот с Серафимом в самый раз! Он хоть и похож на лешего, и злобности в нём на полную тысячу наберётся, а ведь добрейшей души человек!»

Размякший в телеге от дорожной скуки и нечастого досуга, Сучок перевернулся на другой бок, сунул в рот новую травинку и снова провалился то ли в дрему, то ли в воспоминания.

«Эх-ма, Кондрат, ну и дурнем же ты был! Елду отрастил, плешь нажил, а всё как сопляк – ни хрена, кроме себя, не видел! Только о своей заднице и думал, да кидался на всех, что пес бешеный! Скажешь, нет? Всю артель по дури своей под монастырь подвёл! И не в первый раз! Ну да, извёл всех тогда Козлич-сука, да только подмости подпилить я предложил... Хоть все согласны были, но грех мой! Я старшина, а не хвост поросячий, остановил бы тогда всех, так и не было бы ничего. Ну и пусть бы бубнил боярин – не слушай дурака и всё, так ведь нет!

И на суде тоже... Привык всё горлом брать, а если что, так в морду! И прокатывало! А тут не прокатило – не смог свой нрав переступить и повиниться, гордыня обуяла... Сам потоп и всех за собой потянул... Так бы и сгинули, да повезло – хошь не хошь, а надо в ножки приказчику тому поклониться, что нас всей артелью в закупы взял! Да хозяину его, Лисову дядьке, тоже. Кабы не он, не попали бы мы сюда и башку мне на место никто не поставил бы...

О, Кондрат, как ты заговорил! То-то! Это перед другими ты можешь хвост распускать – себе-то признайся: и вправду Лисова наука впрок пошла! Как он тогда тебя! Б-р-р-р! Как вспомню, так вздрогну! Всяких видал, но такого, как он, – ни разу! Истинно, Бешеный Лис! Только бешенство у него управляется головой, а не жопой, как у тебя, дурня старого... А ведь пятнадцать годов нет.

Вот потому он и боярич, а ты, Кондрат, старшина артельный и под рукой у него ходишь... Да не ты один... Даже Первак этот против не смел дернуться. а уж он змеюка подкодная, каких поискать! Ему резать что курей, что людей! Как он тогда: «Прикажет убить – убьём! Даже не задумаемся!» Вот тогда-то ты и поплыл малёха, Кондрат, когда в глазёнки ему глянул. Они у него, как у гадюки. Б-р-р-р!

Ну а потом тобой Лис⁶ самолично занялся. Вот тут ты, брат, и тухнул! Да ещё как тухнул! Помирать будешь – не забудешь! До тебя, дурня, сколько времени доходило: Лис тебя ломал, чтобы ты, пень стоеросовый, слушать его начал! Ведь всё он тогда про тебя понял. Только взглянул – и понял. До самого этого самого! Сопляк, а тебе – старишине артельному – о долге перед артелью да перед роднёй рассказывал! Как вспомню – стыдоба! Когда в закупы угодили, я ж артельных своих, почитай, за обузу числил! Сколько раз думал: «Да пропади вы пропадом, висите, как колода на шее – один бы я давно пятаки салом смазал и поминай как звали!» А кому я один нужен-то? И кто с такой сукой, что своих бросила, дело иметь захочет?!

Так что трое у меня тут, кому я по гроб жизни обязан: Лису – за то, что меня понял и себя найти помог, цель и дело показал, Алёне – ну, тут всё понятно, да Серафиму – за то, что жизнь мне спас и другом стал. Ну, и артельные, само собой! Другой семьи у меня нету.

...И всё ж счастливый ты человек, Кондрат! Повезло тебе, даже тут повезло, выходит. Думал, что в кабалу попал, а оказалось – в учёбу! Ведь не один Лис тебя учит, а раз учат, стало быть, нужен ты им. Вот так-то!»

– Сучок, кончай ночевать! Ратное показалось! – голос Нила, Сучковой правой руки, вырвал плотницкого старшину из размышлений.

– Да не спал я, Шкрябка, – думал. – Старшина сел в телеге.

– О чём думал-то? – мастер обернулся через плечо.

– О том, что повезло мне.

– С чем повезло-то? – прищурился Шкрябка. – Выкладывай, давай!

– Не с чем, а с кем, – Сучок сплюнул травинку, – с вами, рукоблудами, да с Лисом. Что бы я без вас делал?

– Эх, Кондрат, что ж ты за человек такой уродился? – Нил бросил вожжи и усмехнулся. – Не поймёшь, то ли похвалил, то ли облаял! А с Лисом и правда повезло. Всем!

– Похвалил, Шкрябка, похвалил! – Сучок виновато кивнул головой. – Куда я без вас!

Нил тронул лошадь вожжами, под колёсами телеги загромыхали мостки. Плотницкий старшина сел и впился наметанным глазом зодчего в ратнинский тын.

– Эх-ма, Шкрябка, нам что, разорваться? – мастер кивнул головой в сторону изрядно пожившего частокола. – И дома городьбу заканчивать надо, и тут приниматься. А кем, а из чего? Чую я, Шкрябка, хрен староста нам даст, а не брёвна! Я бы нипочём не дал!

– Погодь, Кондрат, – возница чуть заметно ухмыльнулся, – ты понял, что сказал-то?

– А чо?

– А то, Сучок Епифанович, изрёк ты: «Дома городьбу заканчивать надо» – оно и вправду так!

– Точно! – плотницкий старшина хлопнул себя по бокам. – Стало быть, не я один?

– Все, Кондрат, все! Особенно как про семьи узнали, да как Лис нам первую выручку за доски отдал, – мастер помолчал. – Вот тогда до всех и дошло – пора корни тут пускать... А помнишь, как всё начиналось?

– Да как не помнить...

⁶ Лис – так плотники Сучка звали между собой боярича Михаила Фроловича Лисовина (в прошлой жизни Михаила Андреевича Ратникова, чьё сознание было перенесено в тело Мишки Лисовина – подростка, живущего в XII веке на границе современных Украины и Белоруссии). Мишка Лисовин, он же Михаил Андреевич Ратников, является главным героем циклов Е. С. Красницкого «Отрок» и «Сотник».

* * *

Сучок вновь ощутил чёрное беспросветное отчаяние, которое гнуло артель на пути из Турова в глубь погорыньских болот, и даже передернулся от воспоминаний.

«Да-а, было дело... Пока плыли, думалось – попали. Ворон костей не заносил – иначе и не скажешь! Где Новгород-Северский, где Чернигов да Переяславль, не говоря уж про Киев? Даже Туров – и тот где? Одна задница кругом, а из задницы той тина болотная торчит. И как бы не навеки.

Эка ты заговорил, Кондрат! А на ладье, помнится, всё матом да матом...

Ладно, приехали, кое-как устроились да на работу наладились. И ладно бы работа путная была, так нет – баловство боярское. Это потом поняли, что не баловство...»

– Помнишь, как усадьбу потешную Лису рубили? – Нил будто прочёл мысли своего старшины.

– Как не помнить – тят-ляп, лишь бы сразу не упало! – Сучок сплюнул.

– Да ладно тебе, – хмыкнул Нил, – напраслину возводишь. Без души работали, это верно, но на совесть! Эх-ма, излаялся я тогда, что хреном груши околачиваем заместо дела, а потом плюнул – баловство-не баловство, а резаны за каждый день идут, так что пусть его.

– А оно и не баловство вышло, – Сучок стариковским жестом огладил бороду.

– Да, не баловство, – слегка приуныл Нил, но потом улыбнулся. – А ведь неплохо выстроили, раз Михайловы жеребцы стоялые её по сю пору не разнесли!

– Дык, не обучены мы по-иному. Совесть да гордость не позволяют ляпать, а ещё помню я, что батяня твой сказывал, как во времена оны за худую работу с плотниками рассчитывались.

– Про пенёк?

– Про него, родимого! – артельного старшину передёрнуло. – Как, значит, пенёк расщепляли, клинышек в расщеп загоняли, а потом туда же всё мужское хозяйство мастера-ломастера, а клинышек вон! И сиди-и-и-и, сокол ясный...

– Оно и правильно, – Нил рефлекторно почесал в промежности, – худая работа хуже воровства! Особливо наша.

– Угу! – кивнул Сучок. – Надо кой-кому из молодых бывальщину эту рассказать, чтобы проняло.

– Швырку, что ль? – Шкрябка опять почесался.

– Ему, – хохотнул плотницкий старшина. – Никак за ум не возьмётся, заовинник⁷! Вроде к тонкой работе у него способность есть. Только дурь из него повыбит да наставника бы хорошего. Но вот те, Шкрябка, крест – ещё чего учудит, сам племяша своего на пенёк и пристрою! Пушай сидит!

– Сизым кречетом! – заржал Нил. – Помнишь, как он с вьюшками-то? Чуть всю поварню не спалил, когда девку свою очередную тама уработывал.

– Помню! – хрюкнул Сучок. – Тоже ведь думали – баловство! Ну кто так строит-то? Я ужом изворачивался, чтобы от них отбрыкаться!

– Да уж, Плава сказывала, какую рожу ты перед Лисовинихой соорстил – чисто блин, мёдом намазанный.

Нил скорчил умильно-благодетельную морду и запищал тоненько:

– Ну, так и решай, матушка-боярыня: не велишь мне на кухне в дымоходе эти дырки вертеть, так оно мне и не надо! А велишь... что ж, ваша печь, мы-то себе и на костерке на артель чего-нито сварим, мы люди привычные... А то вон Плава нас чуть помоями не окатила, за наше старание-то...

⁷ Заовинник (др.-русс.) – повеса, деревенский волокита.

– А ты где был? – Сучок в свою очередь скорчил зверскую рожу. – Вместе решили, что нам эти вьюшки, как зайцу подковы!

– А я что, дурной, под помело да помои подставляться? – Шкрябка подмигнул своему старшине. – У нас на такие дела Кондратий Елифаныч по прозвищу Сучок имеется, чай, старшина артельный – ему по чину положено!

– Ох и сволочь ты, Шкрябка!

– Сволочь, но хитрая! Сам ведь баял, что годный зодчий – это хитрый лентяй, – Нил опять подмигнул.

– Будя ржать! И правда без души работали! Даже когда Лис нас в оборот взял, не поверили. Я сам и не поверил!

– Эт верно, – Нил за разговором не заметил, что запряжённая в их телегу коняга давно встала на месте и принялась объедать траву то с одной, то с другой стороны дороги. – Помнишь, как девичий терем ладили? Знали, что самим там жить, а всё одно! Нынче здесь – завтра там, тут закончим – куда ещё пошлют... Вроде и ладно делали, а жили, как свиньи в берлоге!

– Гыы, гляжу, Шкрябка, запало тебе, как нас тогда Лёха облаял!

– А то! Он лаяться мастер. Как завернёт – закачаешься! Вот я и того, пользую помаленьку.

– Да, где только набрался, едрит его долотом?

– Уж где набрался, там и набрался...

– Слушай, Шкрябка, а ты когда впервой поверил, что выкупимся? Нутром поверил, не башкой?

– Эхе-хе, не знаю, как и сказать, Кондрат. Наверное, когда первую доску с лесопилки пощупал. До того всё не верилось...

– Ох, врешь! – Сучок подкрутил ус. – А то я не помню, как ты топором играл, когда лесопилку ладили!

– Ладно, а сам-то! Колёса свои облаживал – аж целовался с ними! Думал, крайнему колесу присунешь сейчас, Ссучок! – Развеселившийся Нил сбил со своего старшины шапку.

– Ах ты, хрен гонобобельный! – Сучок схватил друга за шкуру и ткнул носом в сено, устилавшее телегу.

Привлеченная вознёй лошадь подняла голову и обернулась. Ездоки, будто ребятишки, кувыркались в сене, наплевав на то, что до ратнинских ворот оставалось сотни полторы шагов. «Идиоты», – фыркнула лошадь, а может, подумала. Или не подумала. Во всяком случае, коняга презрительно посмотрела на дурачившихся людей и, потеряв к ним интерес, схватила крепкими жёлтыми зубами пучок сочной травы.

– Вы чего там творите, дуrolомы?! – донеслось с тына. – Аль свербит где?

Плотники вскинулись, беззлобно послали вопрошающего, оторвали лошадь от увлекательного процесса поглощения пищи и направили её в сторону ворот.

«Сволочь! Кто тебя за язык тянул?!» – ясно читалось в лошадином взгляде, устремлённом в сторону не в меру бдительного караульного.

– Тьфу, Кондрат, не по делу мы с тобой резвиться начали! – Нил зябко передёрнул плечами. – Это сейчас попёрло нам, а завтра? Сам знаешь, как удача поперёк становиться умеет. Вот закупные грамоты свои назад получим, тогда и поскачем!

– Верно, Шкрябка, – Сучок построжел лицом и дёрнул рукой в защитном жесте. – Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить!

До подворья ратнинского старосты добрались без приключений. Пока ехали по селу, плотницкий старшина старательно приводил себя в нужное состояние и Нила не забывал накручивать: не время им сейчас благостью душу баловать – предстояло делить лес с дальних ратнинских росчистей, а такое дело, как делёжка строительного материала, с Адама и Евы без ругани не обходилось.

Несмотря на все свои благонамеренные и совершенно правильные размышления по дороге, Сучок начал разговор со старостой Аристархом, как привык, – с наезда. Нет, вежество, разумеется, соблюл: на иконы перекрестился, хозяину поклонился, о здоровье спросил, чару квасу с дороги принял, но как до дела дошло...

– Слушать ничего не хочу, Аристарх Семёныч, ты мне зубы не заговаривай! – Плотницкий старшина аж подпрыгивал на лавке. – Крепость наша – она крепость и есть! Во всякой земле крепость всему голова, а тын твой подождёт! Он, конечно, подгнил, да пока не валится!

– Во-во! – тут же ехидным тоном встрял Нил, хорошо усвоивший способ своего старшины вести дела привычно ему подпевая. – Тут дело верное! Куда все воевать ходили? За болото! А с той стороны что? Правильно, крепость! Ну и где защита от супостата нужнее? Мы, чай, не первую крепость ладим и в этом деле понимаем. Где их ставить – тоже. В Новгород-Северском княжестве научились, не сомневайся. Там Степь ря-ядышком... Так что, Аристарх Семёныч, муж ты нарочитый, староста – поискать таких старост, по селу видно – тебе бы посадником быть, а лес всё же отдай. У нас он нужнее!

– Во-во! – не давая ратнинскому старосте и слова вставить, подхватил Сучок. – Вот посадником мы тебя и сделаем! На следующий год. Как крепость нашу достроим, так на месте Ратного такой городок отгрохаем – закачаешься!

– Угу, – почти лениво отозвался Аристарх, нисколько не впечатленный напором плотников. Даже не рассердился. – Красно говоришь. Только брёвен я тебе всё равно не дам!

– Нет, ты послушай Аристарх Семёныч! – снова бросился в бой Сучок, не сбавляя тона.

...Разговор заходил на пятый круг. Сучок с Нилом взмокли, наскакивая на непробиваемого ратнинского старосту. Тот даже не отмахивался от назойливых плотников, а, да простят читатели за избитое сравнение, просто пёр через их аргументы, как атомный ледокол через тонкий лёд, вместо гудков изредка хмыкая в бороду. Мастера перепробовали всё: убеждали, улещивали, устраивали пантомиму, разыграли целый мини-спектакль, хоть ни о театре, ни о спектакле и понятия не имели. Тщетно. Аристарх оставался непрошибаем.

Словом, всё как всегда. Наверное, и во времена строительства египетских пирамид начальник отдела снабжения треста Фараонпирамидспецстрой, одетый в бараний парик и белоснежную льняную юбку, так же мурзил несчастных древнеегипетских прорабов и начальников СМУ. Через века поколения главных снабженцев, этих, с точки зрения прорабов, помесей пауков с хомяками, несут знамя с нетускнеющей надписью на нём: «Хрен тебе, а не материалы!» И в двадцать первом веке ситуация ничуть не изменилась, любой прораб может это подтвердить. Словом, скандала никто не хотел – скандал был неизбежен!

– Не убедил ты меня, старшина, – зевнул староста в ответ на очередной поток красноречия плотников.

– Да етит тебя долотом! – взорвался Сучок, остервеневший от спокойствия собеседника больше, чем от любого лая. – Уселся жопиём на свои брёвна – ни себе, ни людям! Гузно не сгниёт?!

Аристарх откинулся на лавке, заложил большие пальцы рук за пояс, с интересом глянул на Сучка и слегка покивал головой: мол, давай дальше. От этого плотник вконец вызверился.

– Чего лыбишься?! Обобрал как липку – из говна и палок строить буду! Не твоё – так и ладно?! Да долбись оно конём! Думаешь, управы на тебя нету?! Хрен тебе! – Сучок вскочил и сунул дулю чуть не под нос старосты. – Надо будет – до самого сотника, тьфу, мать твою, боярина Корнея дойду – сам на горбу лес в крепость потащишь!

– А ну сядь! – Аристарх не изменил позы, да и голоса почти не повысил, однако плотницкий старшина плюхнулся обратно на лавку, а Нил так и вовсе к ней прирос. – Ну-ка, глянь!

Сучок глянул. Нил, судя по тому, как он ёрзнул на лавке, тоже. Напротив мастеров сидела даже не смерть – ничто. Чёрное такое, маслянистое, изредка подёргиваемое лёгкой рябью. И спокойное. Нечеловечески спокойное. Вот только имелась у этой почти неподвижной глади одна занятная черта – способность обращать в себя всё, до чего дотянется. Без суеты, без злобы и навеки. Сучок это понял.

«Бррр, мать твою через корыто, это что ж такое?! Кто ж в нём сидит-то?! И к себе тянет, тянет... Не хочу! Отвали на...! Изыди, Сатана! Тьфу, б...! Не могу больше! Отпусти!!!»

Колодцы пустоты в глазах старосты медленно погасли. Сучок зябко передёрнул плечами. Рядом судорожно выдохнул Шкрябка. Аристарх опёрся локтями на стол и неласково оглядел мастеров.

«Тьфу, хоть глаза человеческие стали! Да ну его кобыле в треицину, такому перечить! Хрен с ними, с брёвнами – живыми бы уйти! Не то идол, не то упырь какой! Куда ж я попал-то?»

– Не усрался, едрён дрищ? – с неласковой ухмылкой осведомился староста.

– Нет вроде, – не совсем твёрдым голосом ответил Сучок. Ни врать, ни ерепениться ему что-то не хотелось.

– Ну и добро, а то отмывай потом за вами, – Аристарх несильно шлепнул ладонью по столу. – Теперь слушай.

– Слушаю.

– Ну, ты и наглец, – хохотнул староста. – Хотя, не был бы таким ерохвостом⁸, давно бы ворон кормил.

Плотницкий старшина смолчал.

– Поучить тебя вежеству, конечно, следовало бы, – Аристарх поёрзал на лавке, устраиваясь поудобнее. – Ишь чего удумал – меня в моём доме да по матери! Однако прощаю. Знаешь, за что?

Сучок опять не проронил ни слова.

– Ну, я жду!

– Винюсь, Аристарх Семёныч, прости за обиду, – плотницкий старшина, с усилием подавив дрожь в коленях, поднялся с лавки и поклонился. – Не со зла я, для дела!

– О! – Ратнинский староста поднял вверх указательный палец. – Для дела! За то и прощаю. И не только за это.

– А за что ж ещё? – малость ожил Сучок.

– А вспомни, как ты меня овиноватил, когда лаялся?

– Как-как, обыкновенно!

– Это лаялся ты обыкновенно. Думаешь, я тут с титешных лет сiju и заходов вашего брата не знаю?

– Да уж, убедились, – Нил после долгого молчания осмелился подать голос.

– О, и подручный твой оттаял, – Аристарх поманил Нила пальцем. – Давай, мастер, поближе придвигайся. Тебе тоже послушать не во вред.

Плотник кивнул.

– Так о чём я? – Староста оглядел собеседников. – А, вот! Не вспомнил, старшина, как ты меня облаял?

– Нет, – Сучок развёл руками. – Вроде конём это самое предлагал, воеводой пугал, не знаю...

– Да, Кирюхой меня ещё не стращали, – хохотнул Аристарх. – Только не о том речь. Ты мне, соколик, вот чего сказал: «Не твоё – так и ладно?!» Было дело?

⁸ Ерохвост (др.-русс.) – задира, забияка.

– Угу, – синхронно кивнули плотники.

– А раз так, значит, крепость – это ваше дело? – Аристарх старательно выделил слово «ваше».

– Ну, это, как бы... – замялся Сучок, – чьё ж ещё? Мы ж плотники.

– И в прибыток у вас идёт от того, как быстро сделаете? По рукам ударили, заливное серебро⁹ получили, а как достроите, так вам и остаток платы положен?

– Нет, хозяин по пять ногат подённой на артель считает в счёт долга, – Сучок непонимающе пожал плечами.

– Так, значит, вам, мастера, резону нет быстрее строить, – усмехнулся Аристарх. – Работник спит – служба идёт, а тут ещё досок на продажу напилить побольше можно, чай, в свою калиту, не хозяину, так?

– А откуда ты про доски-то? – открыл рот Сучок. – Мы ж меж собой только!

– А у меня, по-твоему, глаз нет? – подначил староста. – Или из ума я выжил? В Писании что сказано? «Ищите и обрящете, толщите и отверзется». Вы лучше на вопрос отвечайте – не с руки вам быстро крепость строить, так?

– Так вроде, – плотники дружно заскребли в затылках.

– А чего ж тогда вы меня в моём доме облаяли, что вам леса не даю, от чего стройка стоит? Даже конём покрыть грозились, а? Вам же быстро построить в убыток, так? Здесь вам какая-никакая, а воля, а в другое место хозяин пошлёт, так там по-всякому повернуться может, а ногат, один хрен, пять в день и от досок барыша нет. Так чего же? Или тот лес на доски для себя пустить задумали?

– Нет, Аристарх Семёныч, не думали, – помотал головой Сучок. – У нас с Лисом ряд – доски из того леса трём, что он выделит. Тут строго, как урядились, так и делаем.

– А чего ж тогда?

Плотники переглянулись, но что ответить не нашлись.

– Молчите? – Староста уже не хмыкал. – Так я за вас скажу. Прикипели вы к крепости, хоть сами, козлодуи, этого ни хрена ещё не поняли! И работать стали на совесть, как и раньше, до кабалы. С огоньком! Надеетесь на что-то, так? Своё там почуяли?

– Выходит, так, – плотницкий старшина в очередной раз полез скрести плешь.

– Выходит, – кивнул Аристарх. – А кто вас довёл до жизни такой?

– Лис! – Сучок кивнул головой. – Да, Лис!

– Не только, – покачал головой староста, – тут одним Михайлой не обошлось. Хоть он тебя и окоротил, и к делу приставил, и интерес дал, да не всё это.

– Как не всё? – вскинулся Сучок.

– А ну, остынь, – погрозил пальцем Аристарх. – Михайла парень умный, да только парень еще. Думаешь, он своей волей отроков учит, крепость ставит, вас объезживает?

Плотницкий старшина пожал плечами.

– То-то, не знаешь, – Аристарх огладил усы. – Своей, да не своей!

– Это как? – вытаращил глаза Сучок.

– А так! Голова этому делу – дед его, Кирюха, а для вас, козлодуев, воевода Погорынский Корней Агеич Лисовин. Он внука послушал, дело ему доверил и через то учит! А Михайла вас. Вот и смекай, какой это внук и какой у него дед. И кого в наших краях держаться надо. Поняли, мастера?

Плотники кивнули. Похоже, им теперь только и оставалось кивать да в башке чесать. Аристарх прочистил горло, налил себе квасу, выпил и продолжил:

⁹ *Заливное серебро* (др.-русс.) – задаток при найме на работу или получении подряда.

– Ну, поняли, теперь думайте дальше. Раз есть парень, что вас взнуздal, в оглобли поставил, а вы без кнута везёте и хвостами машете, и есть его дед, в воле которого внук ходит, есть мать этого парня, братья, то что?

– Род, – Нил опустил голову. – Слышишь, Сучок, род.

– О, правильно понимаешь! – Староста одобрительно кивнул помощнику Сучка. – Род Лисовинов. Во всём Погорынье самый сильный. И вы к нему через Михайлу прилепились, чего доселе так и не поняли. Так и Минька ещё не понял, сколько народу за себя взял, едрён дрищ! Вот и приходится нам, старикам, за вами следить! Это понятно?

– Вроде...

– Тогда дальше слушайте. Кто есть Корней Лисовин?

– Воевода, сотник ратнинский, – вразнобой отозвались плотники.

– Угу. И воевода, и сотник, – Аристарх слегка насупился. – Ратнинский! А Ратное что?

– Село, – Сучок даже руки развёл от удивления руками.

– Дурак! – староста дёрнул щекой. – Ратное для всей округи град стольный, хоть и село. Князьему Погосту дани из-за *наших* мечей везут, ну, и нам с тех даней перепадает.

– А главный в Ратном ты? – Нил в упор взглянул на Аристарха.

– И опять правильно догадался! – староста рассматривал Нила с непонятым Сучку интересом. – Наше Погорынье Лисовинами возглавляется, да ими не заканчивается. Они дело затеяли: не только ближнюю, а и дальнюю округу под руку себе привести, и все, у кого голова на плечах, за них стоят. Только и у Ратного свой интерес имеется – городом стать, и лесовикам это дело по нраву – будет куда товар сбывать, и Лисовинам тоже – они и с этого своё возьмут. И вам тоже выгодно.

– А нам-то чем? – Сучок недоумённо воззрился на старосту.

– Так при городе плотник голодным не останется! Особенно если он в том городе или рядом живёт, понял, едрён дрищ?!

– Теперь понял. Оттого лесу и не давал?

– И от этого тоже, – усмехнулся Аристарх. – Князю нужен город, а городу нужно вече, чтобы князь себя не забывал. Корней не князь, но и воеводы за овином не валяются.

– А вечу нужен посадник, – осторожно протянул Сучок.

– Угу, – в свою очередь кивнул Аристарх. – Оттого и слежу, чтобы кое-кто порты не порвал, широко шагаячи. Мне в земле покой нужен. Вам тоже. И внукам вашим.

– Вон ты как поворачиваешь... – Сучок уже привычно полез чесать в затылке.

– Так и поворачиваю, – кивнул староста. – Не бойся, ни против Михайлы, ни против Корнея идти не заставлю. Мне надо, чтобы вы всей артелью тут жить остались – город строить. И крепость тоже. Одному без другого не стоять, уразумели?

Плотники в очередной раз дружно кивнули.

– Ну, коль уразумели, то давайте лес делить, – усмехнулся Аристарх.

– Угу, – обречённо выдохнули мастера.

– Значит так, – староста потёр руки, – дам я вам на крепость три лесины из десяти.

– А... – начал было Сучок.

– Цыц! – с улыбкой цыкнул на него Аристарх. – Три лесины из десяти. И одну сверху дам вам на артель, но не просто так. Из четвёртого бревна напилите досок, свою часть возьмёте, как с Михайлой уговорились, а остальное сюда. Идет?

– Договорились, – уныло кивнул головой плотницкий старшина. – До нитки ты нас, Аристарх Семёныч, обобрал, себе в убыток работать станем.

– Опять своё запел! – Аристарх хлопнул ладонями себя по бёдрам. – Что ты, как баба, едрён дрищ, всё на своё поворачиваешь? Ты меня чем слушал – чем на лавке сидишь? Где тут тебе убыток? Домом обрасти, корешок пустить, выкупиться свободно... Уж мы с Кирюхой

сделаем так, что свояк¹⁰ его вас, куда Макар телят не гонял, не зашлёт. И с семьями подсобим, если не подгадишь, конечно. Ну, так где твой убыток?

– Ты, Аристарх Семёныч, в купцы податься не думал? – Сучок развёл руками. – С тобой торговаться, что с жидовином: и куны нет, и топора нет, да ещё и куну должен!

– Спасибо на добром слове, мастер, – староста с улыбкой поклонился. – Знал я, непременно сговоримся.

– А что тут в городке ставить надумал, Аристарх Семёныч? – плотницкий старшина решил сменить тему.

– Думал городни по валам с угловыми и надвратными башнями – и побольше нынешнего, а по посадку частокол, да теперь погожу.

– А чего?

– Да больно любопытно мне, как вы Лисовинам крепость ставите, поглядеть хочу, что выйдет. И вас, мастера, послушать. А по увиденному и решу – время есть, всё одно леса на такое до весны не набраться. А пока давайте, излагайте, чего там удумали.

Собеседники углубились в обсуждение новых веяний крепостного строительства. Ратнинский староста, оказывается, и в этом деле понимал и не только понимал, а был въедлив, аки клоп. Судили, рядили, обменивались мнениями. Даже чертили мокрым пальцем прямо по столешнице, да так, что чуть мозолей себе не натёрли.

Потом разговор свернул на заготовку леса, и Сучок, хоть и сам не хотел, выдал немало ценных советов о том, как правильно подсекать деревья, чтобы быстрее сохли на корню, как валить, как вывозить и как хранить. Аристарх слушал так, что становилось ясно: ничего не забудет и не упустит.

Между делом договорились и о ремонте тына, чтобы совсем уж безобразия не допустить. Сучок и сам не заметил, как согласился. Даже начерно прикинул, сколько народу понадобится. Аристарх кивнул, мол, будет народ. Сговорились, что тын подлатают осенью после полевых работ, а вот размечать будущие городские укрепления и готовить на них роспись¹¹ договорились не откладывать. Плотницкий старшина сам дивился своей покладистости, но соглашался. Один раз только осмелился сказать поперёк:

– Аристарх Семёныч, дело оно всё хорошее, но мне на Лисовинов хозяином работать велено. Без их слова никак!

– С Корнеем и Михайлой сам договорюсь, – кивнул староста, – они возражать не станут, даже сами тебе прикажут.

– А что мы со здешнего городского строительства иметь будем? – Нил, видимо, решил, что если старшина совсем из ума выжил и готов работать даром, то надо брать дело в свои руки.

– Не обидим, – Аристарх поднял руку в примирительном жесте. – Перво-наперво в Тьмутаракань вас не сошлют, об этом я уже говорил, второе – если не подгадите, то обзаведение семьям за мной, ну и купу выплатить тоже поможем. По работе, само собой.

Плотники кивнули.

Разговор ещё некоторое время крутился вокруг планов будущего строительства, а потом свернул на прошлое артели. И опять мастера всё про себя выложили и даже того не заметили.

Дело уже шло к вечеру, когда плотники засобирались. Раскланялись по обычаю, пожелали здоровья и только на самом пороге Сучок вдруг спросил:

– Аристарх Семёныч, а отчего ты всё говорил, мол, крепость Лисовинова, а о Ратном такого не сказал?

– Оттого, Кондрат, что крепость и вправду Лисовинова, а Ратное – оно общее. Может статься, что и ваше. Понял меня?

¹⁰ Имеется в виду заимодавец артели туровский купец Никифор.

¹¹ *Роспись* (др.-русс.) – смета.

– Понял, Аристарх Семёныч.

– А раз понял, то жди – приеду посмотреть, чего вы там понастроили.

Как плотники выкатились из Аристарховой избы, как запрягли, как выбрались с подворья на улицу, они и сами не заметили.

– Вот сучий потрох, «Ратное общее, может статься, и ваше»! – Сучок, осмелевший на улице и почувствовавший запоздалый прилив злости – то ли на Аристарха, то ли на себя за испытанный в доме старосты ужас, сделал неприличный жест. – Благодетель, едрит его долом! Снизошёл да дозволил! И что, в зад его теперь целовать, что ли? Взасос?

– Во-во! – поддержал своего старшину Нил, испытывавший те же чувства, и тут же, в свою очередь, передразнил Аристарха. – «Где тут тебе убыток: домом обрасти, корешок пустить»! А хреном по всей роже не желает?! Мы у себя на Северщине лучшей артелью были! Каменное строение знаем! Да таких артелей на всю Русь десятков наберётся, ну два десятка! Нам выкупиться только, а там посмотрим!

– Ага, нашёл град стольный – посреди болота кол, а на колу мочало! Не хуже Киева, гляди, Шкрябка, – плотницкий старшина издевательски указал рукой на окрестные заборы.

Друзья синхронно хмыкнули.

– Хотя, конечно, заманчиво, – протянул вдруг задумчиво Сучок. – И прав вроде, да всё одно – станем опять сами себе хозяева, ходят ещё, поклоняются! – задиристо пообещал он, запальчиво погрозив кулаком в надвигающиеся сумерки.

– Угу! Ну чего, домой? – Нил высморкался в уличную пыль. – До темноты не успеем, ну да ладно.

– Не, давай к Алёниному подворью, – Кондрат махнул рукой вдоль улицы, – там и заночуем.

– Точно? – внимательно посмотрел на своего старшину Нил.

– Точно, Шкрябка, точно.

– Ну, показывай тогда, куда ехать.

– Тьфу на тебя, Шкрябка, всю дорогу закудыкал! – сплюнул Сучок. – Давай к церкви, там покажу.

До Алёниного подворья докатили без приключений. Плотницкий старшина постучал в ворота. Хозяйка открыла сама. Завидев телегу, лошадь и чужого человека рядом с Сучком, глянула неласково.

– Здравствуй, Алёнушка, – мастер широко улыбнулся женщине. – У старосты мы вашего были, подзадержались, не успеем обратно в крепость до темноты. Да и куда ж мне в крепость, тебя не повидавши? Пустишь переночевать?

– Заходите, коли так, – с нарочитой суровостью ответила Алёна, но глаза её улыбались.

– Вот это друг мой самонаилучший, – Сучок указал на Нила, – Шкрябка, во Христе Нил, сын Федотов.

Нил шустро сдёрнул с головы шапку и поклонился.

– А это Алёна Тимофеевна, самонаилучшая во всём Ратном хозяйка, и вообще... – что «вообще» плотницкий старшина сказать затруднился. Представляя Алёну другу, он отчего-то утратил всю свою обычную бойкость.

– Заходи в избу, Нил Федотыч, гостем будь, – женщина по обычаю поклонилась, но стрельнула по Сучку лукавым взглядом, – тут гостям всегда рады.

– Благодарствую, Алёна Тимофеевна, – поклонился в ответ несколько смущённый Нил.

– Кондрат, ты телегу под навес загони, да коню корму задай – и к столу, – распорядилась Алёна и повернулась к Шкрябке. – Не побрезгуй, Нил Федотыч, не ждала я гостей, чем богаты, тем и рады.

– Кгхым, – прокашлялся мастер, – не на чем, хозяйка, мы ж без спросу!

Алёна с гостем скрылись в избе.

– Тыфу, пропасть! – Сучок сплюнул, а потом гаркнул. – Митюха, подь сюда!

Голос Сучка на Алёнином подворье знали. Что он ждать не любит и на расправу, правда, всегда по делу, скор – тоже, так что откуда-то с задов шустро выскочил холоп.

– Чего велишь, Кондратий Епифаныч?

– Ворота отвали, тетеря!

Вдвоём отворили ворота, быстро распрягли, закатали телегу под навес. Сучок отвёл лошадь к коновязи, охлопал, дал напиться, потом задал сена, которое шустро притащил с сеновала Митюха, и только потом двинулся в избу.

В доме он застал следующую картину: за столом, в красном углу, но на краю лавки сидел пуще прежнего смущённый Нил и шевелил пальцами, не зная куда деть руки, а Алёна хлопотала возле печи и занимала гостя беседой. При виде Сучка Шкрябка несколько приободрился и пустился в пространный рассказ о том, что в крепости нынче строится.

– Проходи, Кондрат, за стол садись, сейчас щи доспеют, – распорядилась Алёна и вновь обернулась к Нилу. – Интересно ты рассказываешь, Нил Федотыч, Кондрат такого не поведает.

– Это чего такого я не поведаю? – подозрительно наострил уши Сучок.

– А о житье-бытье вашем: где живёте, что едите, – Алёна усмехнулась. – Ты-то больше о стенах, да башнях, да тереме, да о колёсах своих.

Нил хмыкнул, а плотницкий старшина было насупился, а потом махнул рукой и хохотнул:

– Уела! Как есть уела!

– Ложки берите, мастера, – Алёна положила на стол ложки, а Сучку протянула каравай на чистой тряпице и нож. – Давай, Кондрат, а я сейчас щи достану.

Сучок залюбовался движениями женщины, играючи выметнувшей ухватом из печи немалый горшок со щами, да так, что и про каравай забыл. И про то, что этот каравай у него в руках – тоже. Очнулся старшина от хмыканья друга: Нил ошалело переводил глаза с Алёны, разливавшей щи по мискам, на Сучка и обратно.

«О как! Ведь впервой, как хозяину, хлеб дала. До того всё сама. Это ж надо! Я ж до сих пор бабу свою артельным никогда не показывал! А тут хозяйкой её перед Шкрябкой назвал. И не думал – само выскочило! Алёна-то поняла, значит...»

Плотницкий старшина, стараясь не уронить ни крошки, нарезал хлеб и оделил сначала Нила, а потом положил ломоть Алёне:

– Садись с нами, хозяйка!

– Благодарствую, – женщина налила щи в третью миску, достала ложку и села.

Сучок, хоть это было совсем не в его обычае, поднялся и прочёл «Отче наш».

«Гляди, Кондрат, как Шкрябка-то вылутился! Да и Алёна тоже. Вот так вот – могём!»

Сказав «аминь», все снова расселись по лавкам. Кондрат внезапно почувствовал зверский голод, да и немудрено после всего пережитого. Сглотнул тягучую голодную слюну и решительно пододвинул к себе миску с рыбными щами, обильно сдобренными летней зеленью, зачерпнул полную ложку и бережно, над ломтём хлеба, донёс до рта. Проглотил, почти не жуя. Горячий ком мигом долетел до желудка и обдал там всё сытным теплом. Сучок с наслаждением выдохнул. Таким же удовлетворённым выдохом отозвался Нил.

Алёна ела степенно, аккуратно и с каким-то собственническим удовольствием поглядывала на споро орудующих ложками мужей. А они разве что языки не проглатывали. И проглотили бы, да блюли обряд и обычай – негоже за столом голод показывать да спешить, вот и старались, только от женского взгляда не укроешься. Бабы умеют подмечать невидимые мужскому взгляду мелочи. Вот и Алёна заметила – гложет мужей что-то.

– Как с Аристархом Семёнычем повидались, мастера? – хозяйка отложила ложку. – Долгонько вы у него, знать, сидели, раз по свету вернуться не успевали.

– До-олго, – протянул Сучок и сам удивился – так томно прозвучал его голос, а Нил кивнул в ответ как-то напряжённо.

– А ладно поговорили? – не унималась Алёна. – С ним непросто. Грозен он, иные и пугаются.

– Ну, нас не испугаешь, – с чуть заметной натугой произнёс плотницкий старшина. – Лес мы делили с ваших росчистей, а ещё городок староста ваш решил ставить – село расширять.

– Угу, – подхватил Нил, – с башнями, с валами, со стенами настоящими. Со рвом тоже. Широко размахнулся.

– Да неужто? Город! – всплеснула руками Алёна. – Это в Ратном-то?

– А что, и город! – вздернул Сучок бороду. – Поди, все города селищами начинались.

– Да как в нем жить, в городе-то? – Алёна покачала головой. – Шумно там больно и чужих много.

– Да как люди живут. Мы вон жили, не жаловались, – осторожно улыбнулся Нил. – Ежели все выйдет, потом сами спасибо скажете!

– Может, оно и так... Но дело-то какое большое задумали! Ладно, небось не сразу город появится, попривыкнем... – Она озабоченно вздохнула, помолчала чуть-чуть и переменила тему. – А сам Аристарх Семёныч как вам показался? – Алёна немного подалась вперёд.

– Прижимистый он у вас, – плотницкий старшина покачал головой. – Еле уломали.

– Во-во, – поддакнул Нил, – с таким рядиться, что давиться, Алёна Тимофеевна.

– Да что ты говоришь? – хозяйка изобразила на лице неподдельный интерес. – Не скупой он вроде, Нил Федотыч!

– Да, не скупой, это точно. Хозяйственный скорее – попусту жмотиться не станет, но чтоб в дело... Оно и правильно, конечно, да мы-то тоже не для баловства просим! – согласился мастер и вдруг тряхнул головой. – Хозяйка, зови ты меня просто Нилом, а то величаемся, как бояре на похоронах! А я тебя Алёной, если, конечно, ты сама не против, и Сучок позволит. Позволишь, Кондрат?

Алёна с интересом взглянула на Сучка. С ответом женщина явно не торопилась. Плотницкий старшина сначала нехорошо задышал, потом чуть заметно покраснел, дернул плечами, потом ме-е-е-дленно выпустил из себя воздух и заявил:

– Ну, ежели ты, Алёнушка, не против, то мне-то какой резон тебя строжить? Особливо от Шкрябки? Мы с ним с малолетства, считай, бок о бок!

– Вот тебе, Нил, и ответ, – женщина кокетливо стрельнула глазами в сторону Сучка, – согласна я.

– Благодарствую, – кивнул в ответ мастер.

Сучок слегка поморщился и поспешил сменить тему:

– Что грозен ваш староста, это верно, только мы пуганые – и не таких видали! Лучше скажите мне кто-нибудь, как это он нас так мехом внутрь вывернул? Убей меня – не понимаю!

– Так не за что пока тебя убивать, Кондраш. А коли он решит, что надо, так и моргнуть не успеете, – Алёна поднялась из-за стола. – Вы посидите пока, мне тут по хозяйству... Как бы холопка опять не напутала, какие яйца под наседку положить, а какие на еду отложить.

Плотники остались одни.

– Умна у тебя баба, Кондрат, – невесело усмехнулся Нил, – эвона как упорхнула.

– Других не держим! – Сучок дёрнул щекой.

– Ты давай не дрыгайся, а говори, чего надумал!

– То-то и оно, Шкрябка, ни хрена я не надумал! – Старшина сжал кулаки. – Как козлам, морковку показали, а мы с тобой и поскакали, бородами трясся. Нет, ведь, вы... стирал, выкрутил и на просушку вывесил, а мы только бошками кивали! Как сумел-то, а? Не детишки ведь...

– Ну, суметь-то просто, – улыбка у Нила вышла совсем тоскливой. – Спервоначалу гляделками своими зыркнул – не знаю, как ты, Сучок, а я обмер к растакой-то матери!

– Во-во! Колдун он, етит его долотом! – Кондратий сначала ахнул кулаком по столу, а потом перекрестился. – Морок навёл, с-с-сучара!

– Хреном тебе по всей роже, колдун! – Нил сложил перед носом друга дулю. – Без ведовства не обошлось, это точно, но не колдун!

– Тебе то откуда знать, Шкрябка?!

– Жопой чую! – Мастер аж привстал. – Смерть в нём была, а зла не было! Оттого ещё страшнее. Ты когда букаxu давишь, сильно на неё злишься? Раздавил и пошёл...

– Так ею, родимой, и чуеть? – криво ухмыльнулся Сучок.

– Угу, – совершенно серьёзно кивнул Нил, – ежели хочешь знать, то жопяное чутьё для плотника как бы не самое важное! Это ты никак им не овладеешь, а я давно-о-о-о...

– И чего ж тебе советчица твоя многомудрая нашептала? – Плотницкий старшина засопел, потихоньку наливаясь злостью.

– Ты, Сучок, знаешь, как избу на подклете рубить? Али терем?

– Знаю, вестимо! – Кондратий выпучил от удивления глаза, и злиться ему как-то расхотелось. – Только это тут причём?

– А притом! Сколько лесин на добрый дом надо? Чтобы венцов на двадцать пять хотя бы?

– Три сотни, не меньше! Да не абы каких: сажени три длиной, да чтобы в отрубе не меньше двенадцати вершков, чтоб по-доброму, – Сучок потряхнул головой. – Только ты это к чему? Ни ты, ни я не ученики вроде, чтоб науку друг у друга выпрашивать?

– Это верно, – Нил поскрёб в бороде. – Только и староста ихний тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.